

Светлана Фина
История в
зеленых
листьях

Светлана Нина

История в зеленых листьях

Серия «Длинный список 2020 года

Премии «Электронная буква»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41856726

SelfPub; 2024

Аннотация

Роман взросления о девушке, которая переживает переезд в большой город и ностальгию по своему отрочеству. В поисках нового опыта она вторгается в загородный дом благополучной пары, спасшей ее от смерти. С каждым днем трое все больше погрязают в девиациях и обсуждении тайн, которые они вовсе не хотели бы раскрывать.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	16
5	19
6	21
7	24
8	28
9	31
10	35
11	41
12	45
13	47
14	50
15	53
16	55
17	58
18	65
19	71
20	74
21	78
22	82
23	85

24	91
25	96
26	97
27	99
28	103
29	106
30	109
31	114
32	117
33	119
34	122
35	125
36	127
37	133
38	136
39	139
40	143

Светлана Нина

История в зеленых листьях

1

Она остановила велосипед. Кажется, здесь... за беспардонно разросшимися кронами. В краю затянувшейся неги и замершей тревоги.

Покальывала внутри совсем прежняя тронутая холодком кристальность неба. И повисшая в воздухе угроза умирания, следующая за этими пленительными вечерами с гусиной кожей по ногам. А дальше, за северными просторами, не разбирая времени года, в черную бездну уплывала Нева в морке дождя.

Мира уселась на землю и принялась ждать. Ветер вяло колыхал необъятные деревья. Слишком хорошо после месяцев заточения в Петербурге, после осязаемого тумана, растворяющего даже гранит. После движущейся чешуи рвано замерзающей Невы и раскатов новостроек вдали. После дымки, обхватывающей берега, уносящей в небытие. Так бы и просидела здесь весь день под отдаленный шепот Тургенева...

– Приехала? – послышался звучный голос.

Мира нехотя подняла глаза. Ожидая увидеть сломленного неврастеника, она с удивлением обнаружила на нем румянец

загара.

– Как видишь.

Он тяжело вздохнул.

– Зачем?

Мира молчала. Она не знала ответ.

– Ты поранилась.

Он опустил и воззрился на царапину, разрывающую ее ногу на две неравнозначные части. Мирослава апатично наблюдала за ним. Однородный массив торса и крепких ладоней навел ее на толчок воспоминания, но видение быстро рассеялось. Когда-то этот человек, как и прочие, значил очень много и служил предметом для подпитывающих умозаключений, не обязательных к воплощению. А теперь удовольствия воспоминаний с непременным покалыванием, как от чего-то неприятного, досадного, что хотелось похоронить в памяти. Каждый ушедший человек был оторванной частью чего-то, без которой она беднела и вынуждена была брести дальше, на новые земли, в новые кабинеты.

– Поговорим? – с сомнением спросила Мира.

– Что же ты это не спросила по телефону?

– А ты бы ответил?

– Сомневаюсь.

Арсений молча продолжал сидеть на карачках. Как всегда, колкий даже без произнесенного. Не знала бы она его подноготной, вполне бы продолжала верить в изначальный его шлейф умиротворенного дядюшки, с которым, может,

и желанно пересечение грани, но оно никогда не состоится. А ведь при знакомстве с ним ее взбудоражила приобщенность к истинно мужскому закрытому прежде миру. В юности Миры и представить не могла, что так непринужденно будет обращаться с квинтэссенцией собственных подростковых романтических устремлений. Но теперь мужские разговоры мерещились предельно скучными и хвастались лишь дешевой злободневностью.

– Ты слишком распоясалась.

– Не тебе меня сдерживать.

– А что, если мне?

На Миру пахнуло чужой жадой регламентировать. Кривой и шершавой, как выступающие здесь повсеместно корни деревьев. С этой жадой отлично гармонировало ощущение смутной тревоги, исходящей от его процветающего тела.

– Знаешь, я в какой-то момент начал жалеть, что вытащил тебя из той реки.

Лицо Миры сокрушенно вытянулось. Но заостенелая привычка сворачиваться в скорлупу при обнаружении чьего-то безразличия в свою сторону возобладала и сейчас. Быть может, эта самая привычка и служила причиной охлаждения ее отношений с теми, кто, казалось, сросся с ней. Сросся – и исчез. Она научилась принимать это как необратимый закон.

2

Они добрались до вершины холма и уставились на стыки домиков внизу. Часть домиков была полузаброшена, часть даже не достроена. Но некоторые так и пухли от благоденствия Собакевича.

– Ты за конкуренцией с ней сюда пришла, – заключил Арсений с потенциально непроверяемым видом Дамблдора.

Мира нахмурилась. Она уже так давно не утруждала себя быть милой, что даже допустила сожаление по девочке, которая когда-то красила глаза.

– Какого же ты мнения о себе... А хочешь правду? Да от жалости к тебе. Как бы ты не сбрендил тут без нее.

– Это придает тебе силы. Твое упрямство. Из-за этого ты и карьеру делаешь – доказать бабушке, что ты не хуже двоюродной сестры. И чтобы сестре в нос закричать, какая ты преуспевающая, что покупаешь дорогие кроссовки.

Мира спросила себя, почему порой уже бродящие в боли головы фразы до цели могут дойти только через строптивость видения другого.

– Знаешь, гораздо хуже, если тебя вообще ничего не волнует, никому не хочется утереть нос.

– Для выскочки это ожидаемый ответ.

Реальность без приятной припорошенности иллюзий вновь восстала перед Мирой.

– За твоей напыщенностью – обыкновенная слабость и страх, – отозвалась Мира сниженной громкостью. – Но заложенность образа не дает тебе хотя бы ослабить актерскую игру.

Не влюбленный и друг, а жадный свидетель личности Арсений, чье одобрение Мира алкала еще недавно, недобро перевел на нее за минуту до этого такой величавый взгляд.

– Дружба двух гордых женщин едва ли может длиться долго. Потому что одна обязательно ущемит вторую, а та этого не забудет. Что и произошло с вами. Так я и думал. Это только сперва накрапывались ваши нежности.

– У нас все великолепно. Это ты жалкий и никому не нужный.

– Не преувеличивай. Мне от вас обеих только одно было и нужно.

– Ты лжешь. Альфахи теряют все с мужской привлекательностью. А ты и не альфах вовсе, просто прикидываешься.

Арсений захохотал. Но Мира хотела верить, что он тревожно закусил травинку, жестоко оторванную у земли.

Мира смотрела вниз со своим извечным отрешенным выражением. Его прерывало только неудобство озвучивать собственные мысли, которые казались косноязычными, едва вылетев изо рта.

Арсений был уверен, что развивает ее. Но в ней же разлился неподвластный и непонятный ему, да и ей самой

океан. Преуспев в учености, он потерпел крах в иллюзиях чужой души.

– Ты ненавидишь меня теперь? – спросила Мира.

А он невозмутимо отозвался, будто ожидая подобного.

– Нет. Я не ты.

Мира потерянно улыбнулась. Ее охватило двойственное чувство, что причиняющие ей боль люди активно пытаются выставить ее виноватой.

3

Она одна шла по этому чертовому мосту над прозрачным лезвием воды, по касательной от затемненных дымкой пролесков рассеянной зелени. Затерянные в глуши крон трамвайные остановки в спину постукивали колесами.

Едва не завывая от обиды, что он сейчас сидит в уюте родительского дома – вот как она на самом деле дорога ему. Вместе с тем ночь была предательски хороша. Пряный и влажный воздух растворял в себе, как чай. Разительный контраст с упущенной красотой Петербурга и урывками поездок за город, не способных рассеять общего каменного колпака.

Брела сквозь тернь заглушенного запаха упадка лета, помутневшей темноты водоемов. Было ли ей хорошо без него? Было. Но, как только рассеялась беззаботная эйфория девичьего щебета, сгрудились над ней древние обиды. Обиды на то, чего в принципе не существовало. И Мира ненавидела Тимофея, ненавидела себя за то, что вообще думает обо всем этом в таком шальном ключе. И тут же бешено, безрассудно цвела надежда, что он выскочит из ближайшего поворота, обнимет ее и окутает безумной магией своей лупоглазости. В нем столько энергии – прикоснешься, и словно перенимаешь ее, греешься об этот не иссякающий реактор. Именно то, чего так недоставало Мире, ведь последние годы она тщательно ограждала от рассеивания о жадных других свою и без

того не впечатляющую энергию. Все больше она сама пиявкой присасывалась к тем, кто чем-то пленял, и наматывала вспышки их сознания на собственное веретено.

Но он не выскакивал. Наверняка спал своим проклятым бесчувственным сном, не различая шуршаний вокруг. Мирослава в бешенстве захлопнула входную дверь.

– А, ты уже пришла, – раздался из жерла дома искомый голос.

– Как видишь, – сквозь зубы процедила Мира, сверкая мерзлым взглядом, который направлялся куда угодно, но не появившегося в дверном проеме Тима.

– Что такое? – настороженно спросил он.

– Что такое? – издевательски переспросила Мира.

Повисла тишина. Невинный вид Тимофея окончательно доконал ее.

– Что такое?! Я перлась сюда по темным улицам! А ты восседал тут и даже не подумал меня встретить!

– Ты не просила...

– Это просто какой-то кошмар! – закричала Мирослава на весь мир, создавший какие-то правила, на Тимофея, который не желал их нарушать, на собственное тотальное бессилие получить желаемое.

Она бросилась на лестницу. Тимофей побежал за ней.

– Да что с тобой такое? – в свою очередь заорал он.

– Не твое дело! Оставь меня в покое! – Мира закашлялась задушенной речью.

– Что – то случилось с девочками?

Он держал ее за плечи, а она невидящим взглядом смотрела в половицы.

– Нет.

Тимофей обнял ее. Мира зло вырвалась.

– Поздно! Раньше надо было думать!

– О чем?!

Мира вырвалась и со всей силы вlepила ему пощечину. Он скрутил ей руки.

– Ненормальная! Успокойся!

Как Мира ни пыталась, унижение и боль проступили наружу через глаза. Она начала рыдать. Сначала бесшумно, затем с уморительными всхлипываниями.

Тимофей выпустил ее запястья и беспомощно начал прочитать:

– Ну же, перестань. Пожалуйста, не надо. Милая.

Эти слова только спровоцировали новый поток запертой любви.

Серебром обдающий лунный свет, мысом продолжающийся в никуда, отблескивал в кухонное окно. Вверху от него жалобно таял подсвеченный самолет.

Тимофей начал гладить ее по голове, по щекам, прижимать к себе. Через тонкую ткань ее лилового платья проступало тепло живого. Живого, которое он не должен был делать частью своего, хотя Мира удивительно совпала с его стремлениями и чудаковатым юмором, обидным для неуве-

ренных людей, готовых оскорбляться на весь мир за собственную несостоятельность.

Как несправедлива жизнь, что они встретились только сейчас, будучи связаны узами крепче обещания кому-то еще! Лучше бы не встречались вовсе. Сколько было шансов, что они просто до конца жизни будут созваниваться по праздникам...

Он начал целовать ее щеки. Мира в ответ вцепилась в его плечи своими коротко стриженными ногтями. Не отдавая себе отчет в том, что делает, Тимофей перешел на непознанный водоворот ее губ, пахнувший теплом и апельсинами. Наверное, в кафе она ела какой-нибудь разрекламированный пирог, на заказ которого ее подначила заводила их компании... Странно, но он больше не чувствовал стыда и страха.

Над ними распласталась магическая ночь. Близняшка тех, в которые совершались тайные ритуалы и создавались легенды. Безумства предков, воспринимающихся безгрешными истуканами, проступили через шлифовку социумом. В конце концов, кому и что они должны? Разве он в ответе за свою безудержную энергию, заражающую других? Главной фобией Мира стало то, что Тим исчезнет, оставив после себя все как прежде. Никому не нужное пустое прежде взамен цветочных разводов своего существа. Их похожесть придавала совершаемому что-то сакральное, запретное, только их собственное и ничье больше. Такая юная, такая его родная. Лучший друг, соратница, сестра...

Мира предпочла просто отключить разум, оставив себе лишь пожирающий мир чувств и прикосновений. Пусть Тимофей сделает с ней все, что хочет, лишь бы хотел. Его упругое тело плясало с ней в каком-то пугающе гармоничном танце. Это было вовсе не то, что с другими. Не ободранное утоление инстинктов и злорадство в мегаполисе. А растворение в терпком вкусе приоритетного существа. Впервые Мира чувствовала такое тотальное единение с чужой душой. Не было больше ни ее, ни его, лишь они – исконный феномен редкостного совпадения духовной и физической близости.

4

– Меня всегда парализовало, что у людей были отношения до меня. Не могу принять факта, что другие обладают сознанием и волей. Это эгоизм. И это страшно.

– Паталогическое одиночество существования – вот что страшно на самом деле, – без опасения прозвучать фальшиво ответила Варя. – Все мы обманываем себя, что кому-то нужны – семье, любимым, друзьям... Но заточены каждый в своем личном аду, из которого никто вытащить не способен.

Они замолчали с уже знакомым унынием, накатывающим на обеих при подобных выводах.

– Знаешь, раньше я мало что понимала. А теперь научилась смотреть на вещи более трансцендентно. Все в человеческом социуме более-менее легко объясняется – предпосылки каких-то действий и особенно воззрений. Многое так или иначе уже было. Корни нашего поведения очень часто даже не в семье и детстве, а в тысячелетиях человеческой истории.

– Та еще жуть.

– Почему?

– Потому что история эта не блещет человеколюбием.

– Но времена меняются. Посмотри на Скандинавию, – Мира приподняла брови в несогласном удивлении.

– Времена меняются медленнее, чем нам бы хотелось.

Прогресс почему-то не останавливает грязи. Все мы милы, пока относительно сыты. По европейцам это прослеживается особенно доходчиво.

– А миллионы людей сделают все, лишь бы оставить сложившийся порядок вещей, потому что остальное предполагает какое-то напряжение, пересмотр взглядов. Это выбрасывает их из зоны комфорта. Им лень. И они агрессивны в сторону тех, кто что-то делает. Почитай комменты о любом преуспевшем человеке, сколько там яда.

Варя слушала эти полудетские изобличения не без удовольствия, думая, что даже искренние мысли типичны на выходе.

– Другие люди и не обязаны подчиняться нашей логике. Да и своей тоже.

Мира улыбнулась, опасаясь рассыпать это волшебство. Но все же добавила:

– Природа и социум – две составляющие личности.

– Это только так кажется. В личности должны быть все-ленные, океаны. Мало быть хорошим специалистом или хорошим человеком. Мы же все равно руководствуемся в итоге чем-то интуитивным. Возможно... Возможно, мы вообще переоцениваем свой вклад в собственную душу. Быть может, она и правда – нечто вечное.

Думая о Тиме, Мира перескочила начавшую быть какой-то неприятной теме.

– Мы как-то подсознательно понимаем это... И ищем се-

бе родственную душу. Это мечта со времен основания мира. Это древний миф о раздвоенности человеческой души.

– Ты наивна. Между людьми пропасти.

– А ты пессимистична.

Варя как-то странно посмотрела на Миру.

– Может, просто хочу такой казаться перед самой собой.

– Пессимисты не работают над собой. Они просто прикрываются тем, что все ужасно, значит, и работать нет необходимости.

– Быть может.

Мира почувствовала раздражение. Столько изгаляться и получить безразличный ответ!

– Может, мы себя по-новому строим сейчас. Говорим – и лепим себя по подобию произнесенного. Облекаем энергию в обертку понятных слов.

Варя зажмурилась, с удовольствием обдумывая эту мысль. А Мира, охваченная упоением ее присутствия, когда так ясно соображала голова, продолжала:

– Мне сносит крышу от того, что каждая жизнь, комбинация людей, книг и событий в ней неповторимы. К черту теорию мультивселенной. То, что видела и думала ты, никогда не повторится в тех же сочетаниях и той же окрашенности. Ровно как и не повторится ничего из жизни того, кого ты знаешь и не знаешь. Только вот ему в голову залезть можно только через слова, да и то только если пустят. Лично я безумно завидую тому, что видят другие. Хочется чужим опытом заполнить пробел узости своего.

– Только некоторые и не замолкают. Тут можно и не гадать, что у них в голове – все преподнесут на блюде. Только слушать особо не хочется.

Мира хохотнула.

– Как-то меня назвали слишком рациональной, – продолжила Варя живо.

– Могли бы похлеще назвать, – прыснула Мира.

– Не понравилось, что я подобное озвучиваю. Я, видите

ли, должна быть стереотипно сподручной.

– В наше время ты либо рациональная, либо дура, – убежденно сказала Мира. – А я идеалист, но лишь в сфере чувств. Во вселенной ничего идеалистического быть не может, она расшифровывается математикой. Даже то, что мы называем чудесами или интуицией, рано или поздно возведется в четкий описанный алгоритм. Переломит и снобизм ученых голов, и невежество примет.

– Сомнительно, что когда-то это расшифруют.

Мира рассмеялась.

– Все же твой пессимизм невыносим.

– Я к тому же меланхолик.

– А я оголтело пытаюсь перебороть меланхолию, особенно зимнюю сонливую. Слишком легко погрязнуть в темноте, если только позволить себе слабость и хандру.

– Может, ты просто сильнее.

– Ты такая... тонко настроенная, все ты понимаешь... Ты не можешь быть слабее.

Обе с пониманием улыбнулись.

– А ты – как Солнце, – с истонченной улыбкой добавила Варвара.

Мира зарделась путанным восторгом от похвалы. Вот оно – наконец-то ее теплое отношение к кому-то отразилось на нее саму, а не кануло в небытие.

6

– Я никогда не могла поверить, что другие счастливы тому, что у меня вызывает приступы паники и омерзения. Будто я усиливала чувства, которые, по моему мнению, должны испытывать другие. Будто я счастье допускала у себя, но не у них.

– А я, напротив, тушу свои, – отозвалась Варя.

Мира тревожно посмотрела на собеседницу.

– В природе все выстроено потрясающим законом круговорота. Тут говори – не говори, запрещай – не запрещай, а твоя отправленная энергия нигде не рассеется. И от этого порой реально страшно, как будто тебя неотвратимо преследует расплата за то, в чем ты не уверена. А никто не дал тебе реального талмуда, как жить. Пытались, конечно, прихлопнуть книгами, которые некоторые зовут святыми... И думаешь – к чему все эти усилия? Уехала бы сейчас в Индию просветляться. Может, счастливее бы была.

– Мы живем, чтобы восхищаться жизнью, быть за нее благодарными... Только это имеет смысл, только это оправдывает рождение детей. Если не понимать, зачем они рождаются, выталкивать их на свет – преступление.

– Никто не понимает.

– А любовь? – с сомнением спросила Мира. – Это ли не смысл сам по себе? Как и наполненность каждого мига

красками, запахами, звуками, лицами. Смысл, который мы и передаем своим детям без пафосных речей и оправданий. Смысл не может быть в чем-то одном, как не может быть односторонним ни одно чувство.

– Может, любовь – только побочный эффект познания.

Мира погрузилась, как бывало часто, если не удавалось найти в собеседнике желанный ответ.

– Как ты можешь говорить такое? Любовь – основа всего.

Варя обнажила зубы. Мира против воли испытала раздражение.

– Всякое можно говорить, устав. Все, что мы разводим, в любом случае – лишь треп.

– Но из таких разведений и складывается жизнь.

– Если ты так воспринимаешь любовь, тогда любить надо всех. А я не могу.

Мира изумленно взирала на Варю. Совершенство... обнажившее человеческую черствость в незрелости суждений.

– Если умеешь ненавидеть одного, любовь к другим-притворство, преломление собственной личности через уродливое стекло Снежной Королевы, – продолжала Варя. – Или вывернутый инстинкт собственничества. Как к мухе относишься, так и к человеку будешь. Это кажется сумасшествием, но это одна из основных задач нашего пребывания здесь. Потому что нет ничего легче, чем любовь к родственнику или подходящей для размножения особи.

Варвара замедленно провела ладонью по щеке и остано-

вила пальцы на подбородке.

– А я все чаще думаю, что не хочу, чтобы кто-то мучился по моей милости. Я просто не потяну детей эмоционально. Они не заслуживают расти в таком мире. Нет такого запаса нежности во мне, чтобы все стерпеть.

– Но жизнь сочится... Даже в искусстве – столько выплеснутых душ, которые остальным помогают обрести смысл. Да, материально нам всем тяжело. Хотелось бы просто не думать об этом, наконец. А мы тратим на заработок столько своего времени...

– Но мы же и учимся при этом.

– Хотя да, ты сама говорила, что не работать тебе скучно.

– А, может, я поменяла мнение и теперь хочу на пенсию. Невозможно заскучать наедине с собой. Столько еще можно узнать, исследовать, открыть.

– Люди, которые убежденно говорят, почти всегда неправы, – осторожно заметила Варя.

– Люди вообще никогда не правы, как и мы с тобой. Понять это – значит понять человечество. И будущие ошибки. Не особенно – то мы на старых учимся.

– Иногда кажется, что это чуть ли не от скуки. Знаем, к чему идем, но остановиться не желаем.

Мира остро запомнила мучительность того путешествия. После него дом уже не был прежним. А навязчивое ощущение хода времени и его безвозвратности только обострилось вдали от привычной среды обитания.

– Ты любишь нарушать правила, – сказал Тим ей у трапа самолета, предназначенного выкинуть их обратно в монолитный массив сожалений и словно мстящего за что-то ветра.

Мире хотелось лишь молчать, чтобы в прерываемом сне добраться до собственного дивана и расплескаться по нему.

– Тебя заводит мысль, что ты плохая девочка, что ты исключительная, раз можешь переступить через что-то. Но ты не плохая. Тебе просто скучно. Ты из меня хочешь мою жизнь вытянуть. И разрушить ее, не думая.

Мира не верила своим ушам. Ей никогда не было скучно с пятидневной рабочей неделей и кучей увлечений. Реальность фонтанировала настолько, что своим переизбытком будто забивала личность и мечты, не давая им пробиться. Все больше хотелось просто задернуть шторы и не вылезать в нее.

– Ты сам всегда говорил про смехотворность правил...

– Значит, ошибся. Не все так однозначно. Ты сама любишь повторять это.

– Ты струсил, – нежеланно догадалась она. – Нарушился баланс твоего удобства.

– Есть вещи важнее юношеской потребности идти наперекор всему.

Мира почувствовала, как тяжело стало дышать. Она была убеждена, что он ее друг, что они двое против всех, Сид и Нэнси, Исида и Осирис... Она ведь тоже способна воскресить силой своей самоотверженности. Отозваться на любовь – уже быть влюбленным. А он же тогда отозвался! Эта завораживающая рок-н-рольная связь должна была родить нечто долгосрочное, непримиримое против остальных... То, о чем Мира столько мечтала, создавая себе воображаемых друзей в противовес тем, которым всегда чего-то недоставало, и со временем они растворились где-то в пучине двадцать первого века. Тим так привлекал своей особостью, непохожестью на нее, дополняя ее суждения оголтелым юмором и пропуская в закрытые для нее прежде темы. Но, должно быть, она зря возложила на него столько надежд.

«Меня заводит не мысль, что я плохая, а ты...» – жалобно думала Мира после тирады. Тим мрачно приткнулся к иллюминатору, под которым проплывали вырезанные лоскуты полей и сосуды рек. Всклопоченный, статный. Постыло склонив голову, которая так часто запрокидывалась назад в приступе хохота. Он не стеснялся. Над ним не властвовали законы общества. Он был свободен. Так казалось... Он что есть мочи кричал, обращался к случайным прохожим, высмеивал

религии... Мирослава обожала его за это. Благодаря этому Тим перерастал для нее обыкновенную жажду чужой плоти во имя процветания своей.

Она согласна была отдать мужчине пальму первенства лишь в одном – потребности блистать. Она не обладала даром увлекать. Ее никогда не бывало слишком много. Для этого ей казалась необходимой определенная внутренняя распущенность и даже неуважение к себе – раскрываться навстречу кому-то, кто не способен оценить.

А вот самовлюбленная наглость Тима обезоруживала и даже вызывала умиление, потому что в добавок приправлялась самоиронией. И одновременно раздражала. Как он смел иметь эти широкие плечи и абсолютное бесстыдство? Рядом с ним Мира часто думала о поправленной справедливости, что не может позволить себе такую же степень свободы.

То, что на миг показалось достижимым миражом, уже накрыло своей безвозвратностью. Осень запятнала деревья, вгрызлась в поникшие листья. Неизменное начало конца природы придавало дням эту горько-острую прелесть. И все рано или поздно переместится в прошлое, как и их этот отпуск, как и все через переправу ее двадцати пяти лет... Как скоро наступит миг, когда впереди не останется ничего? И насколько бесконечно жутким он будет?..

Мира с несвойственной ей отчетливостью помнила, что Тим говорил еще, как предлагал ей раф, забирал сумки, сажал в метро... Она устала, бесконечно устала. Ей было все

равно, как и когда она доберется до дома, проложенного через Неву. И доберется ли вообще. Сочащийся восход тоскливо покалывал талую красоту города и неразличимые очертания пара вдаль, где-то на границе фаз. А осколки нарождающегося солнца прятались в распластанного дракона, покрывающего Неву.

После ослепительного солнца юга, от которого болели глаза и плечи. После босых прогулок по пляжу и тихих поцелуев под завораживающий шум невидимых, но опасных волн внизу, сурово шепчущих людям свою околдовывающую песню. После растворенного в воздухе счастья под застенчивое мерцание маяков, в ряд выстроившихся вдоль прибрежного городка. После задернутых штор в их номере и совместного обряда смывания пляжного песка. Ее отвращение к обнаженному мужчине как к чему-то чужеродному, что способно нанести вред и привести к нежелательным последствиям, сдалось под напором смутного желания, чтобы ее наказали. Все было не так страшно под защитой бледно – голубого купола сумерек в момент, когда море становится таким же серебряным, как нагретое небо. Тотальная свобода и отсутствие дум о том, что будет, когда придется покидать эти в закатные минуты пугающе мегалитически проявляющиеся горы. Тим так же старательно обходил эту тему, как и сама Мира.

8

Она не помнила, как и с каким лицом ехала в лифте. Она не помнила, зачем. Она даже не замечала обращенных на себя испуганных взглядов. Наверное, видок у нее был заоблачный. Ну да какая разница теперь.

После изматывающего страстью и жарой лета по возвращении в Питер в ловушку захлопнул дождь. Показались изуродованные городом пейзажи с низкорослыми двориками расцвета Союза. Все вокруг было изъедено какой-то вековой, уже ставшей частью набережного гранита пылью. Из жизни разом исчезли радость, красота и желание будущего – самая необходимая деталь. Утром не хотелось подниматься с широкой постели, заправленной простыми светлыми простынями. Не хотелось даже пить свежий кофе с булочкой. Не хотелось выбираться из квартиры под боль в мышцах и тяжесть в голове. От напичканного людьми Петербурга было не укрыться даже во дворах-колодцах, обшарпанных грязно-желтым, где ей уступали дорогу подвыпившие и изрядно потрепанные интеллигенты.

Грусть разливалась повсюду, прорастая наружу маленьким кустом из плеча, который не получалось выдрать с мелкими беленькими корнями. А еще ночными огнями Смольного, утопающими в глубинной черноте Невы через ослабленные капли на окнах такси.

Черт возьми, как она, Мира, выросшая на тех золотистых просторах под вечернее чтение истрепанных народных сказок, могла скатиться до такого? Это не ее жизнь, не ее желания. Это лишь какая-то навязанная проклятая игра, которую она вела, до конца не понимая, насколько чужда этому.

Родные края оказались искаженно заточены внутри обрывками мгновений. Воссоздавали утопичную картину взросления и счастья вхождения в жизнь. А сколько фраз, глаз и фотонов навеки кануло в забвение... Без семьи, которая прежде так тяготила своими непрошенными комментариями о ее внешности и друзьях, Мира сейчас чувствовала себя особенно потерянной и ненужной. Хотелось бы сейчас возни, смеха, как в завязке многолюдного английского романа или хотя бы лживо подсвеченного рождественского фильма об американском пригороде.

Наверное, ей стоило ходить в детский сад, чтобы знакомство с людьми не переросло в истовую юношескую ослепленность ими же. Дурную шутку здесь сыграла с ней повышенная доверчивость к писанине экзальтированных социофобов. Но взросление сменило акценты с неподдельного интереса к людям на утомленность, чему способствовало несколько болезненных историй расставаний с теми, кто, казалось бы, был близок и как никто необходим. Потому что все это уже было – скovyрнувшие общие интересы, пересечение каких-то убеждений... А затем неизменное исчезновение без объяснения причин. Просто пошли своей доро-

гой, сделав ее черствее.

Смеркалось. Ее летящее платье невесомо облепляло пропитанную летним воздухом кожу. Именно тот летний воздух и та кожа, сочетание которых возможно только на третьем десятке. Страшно было подходить к двери. Она растаптывала прошедшие часы истинно юношеского счастья, пригвозждая к неотвратимости двигаться вперед вместо того, чтобы желанно оставить все прежним.

Между ними установились в тот день самые доверительные отношения. Но Мира не могла кристально наслаждаться компанией и пригородными садами. Тим шел рядом и балаболит о чем-то, золотистый, юный. Может, мечтающий в этот момент о какой-то девице, оставшейся там, в его жизни до нее. Мучительное, цепляюще-изматывающее, неповторимое чувство, доводящее едва ли не до экстаза...

Эти пологие глаза цвета неба. Частица нее самой, заколдованным образом вклинившаяся в ее судьбу. Редчайший архетип понимающего мужчины, призванного не размокнуть, а помочь.

Она тронула его за плечо и обхватила длинной ладонью руку выше локтя. Упругую, твердую часть молодости. Тим рассмеялся. Как мучительно было не видеть в ответ надежды! Только безоблачный отсвет юности и желания жить.

Они подошли к тени от огромной березы, за которой при-

таился родительский дом.

– Они, наверное, уже поужинали.

Недостижимый... и потому втройне желанный. Но лет ей уже не так мало. Хотелось больше, чем когда-либо. Прошлые расширили понимание, что мужчина может дать что-то кроме неуверенности в себе и бесконечного ожидания. Сердце пухло в груди, захватывая окружающие ткани и одаривая организм окситоцином.

Когда-то хотелось самостоятельности, материализма. Ходить с девочками в кафе, смеяться, а вечером желанно оставаться одной в квартире, обставленной с аскетизмом и скандинавским пренебрежением к бархлаху. Пожить в реальности пожила, а оказалось, что тяжело это, и времени отнимает бешено. Позволяет реже прикасаться к сокровищницам человечества. Ведь все, что окружало ее, когда – то было лишь идеей или вовсе не существовало и уплыло, не обретя огранку материального.

– Да-да, – прошептала Мира и потянулась к нему в дурмане нереальности.

Она испытала жалостливую грусть, что эти нежные и крепкие руки достанутся какой-нибудь несмышленной девице... И они станут приезжать на выходные. Не легче ли присвоить его, хоть это и кажется нереальным? И тогда с ней он будет откровенничать и веселиться под гнетом сумерек.

Он с благодарностью обнял ее в ответ. Его сердце не стучало учащенно, как у тех мальчиков, с которыми она бывала

наедине в комнатах с потушенным светом, когда они доводили начатое до конечной точки. Парадоксально, но близость с ними нравилась больше их самих. Безответные чувства – самая пленительная область искусства. И самая лживая.

Он обнял ее по-братски. А она добралась до его губ. На мгновение причудилось, что все состоялось.

Тим отпрыгнул, с силой разорвав объятия. Ошарашенная, Мира стояла под подернутой холодком дыма луной.

– Не говори ничего, – отчеканила она.

– Я...

– Не говори! Я все поняла!

– Но я ничего не понял!

Мира со страхом заглядывала внутрь себя. Привыкшая делать это, чтобы облегчить собственную жизнь, теперь она ужаснулась смятенности своих ориентиров.

Уже со второй встречи у них начались бешеные отношения. Они по-дружески дрались и оскорбляли друг друга. Тимофей, любитель красоты и процветания, не опасный, а даже трогательно-беззащитный, располагал к себе с первого благозвучного предложения. Колкий и лукавый, он раздражал своей громкостью. Мира развязно разговаривала с ним, не применяя тех фильтров, которые обычно используют люди в разговорах с посторонними или даже своими.

Дело было не в статусе, не в физиологии, а в неутолимом чувстве собственности и невозможности помыслить, что он может расточать себя кому-то другому, пока она не у дел.

Может, Мира слишком мало знала мужчин и даже в близких предпочитала видеть не их самих с их пороками, а отражение себя и созданного в отрочестве психотипа. Несмотря на новомодное своеволие, Мира так и не смогла изгнать из глубин подсознания тошнотворный образ мужчины – избавителя и защитника. Будучи воспитанной умными женщинами, она понимала опасность играть с хозяевами планеты.

Для этого времени года река была подозрительно теплой. Ее зеленоватое течение опутывало ноги шелком желанных прикосновений. Хлопковая юбка вздулась и потемнела, к ней прилипли водоросли. Елозя ладонями по воде, Мира думала, как славно вытравить из себя неотвратимый крах последних дней. Всегда такая вежливая, предупредительная... она бы усмехнулась сама над собой, если бы могла.

Закончить... как заманчиво. Простота этого решения разом перекрыла чудовищность произошедшего. Если бы не страх потустороннего, куда проще было бы сделать это. Страх узнать больше того, что было позволено органами чувств и о чем можно было догадываться лишь по косвенным признакам. Сделать и освободиться... а вдруг еще не время, вдруг она все вершила неправильно и теперь будет расплачиваться за свой поступок, совершенный в краткий момент слабости?.. Может, перерастет, рассосется, как прежде... залижется. Но боль в центре грудины была чрезмерно сильна при воспоминаниях о Тимофее. Настолько, что будто выпаривала кровь. Страшно, но она даже не злилась на него. Злилась бы – это бы существенно помогло в ярости обрести освобождение.

Брат... о котором она мечтала, захлеб читая о династических притираниях средневековых монархов. Брат, неожиданно

раскрасивший эту странную домашнюю весну, плеск и метания мая. Брат, приведший к катастрофе.

Одинокий родительский дом заблестел, рассмеялся, как прежде, когда она училась в школе и водила на дачу подруг. Тогда каждый день был открытием – столько еще было непонятно и плохо исследовано. А на балконе, обращенном к полям и лесу, можно было целыми днями читать Мориса Дрюона из макулатурной коллекции бабушки.

Дом стал полной чашей. Выловились из сервантов хрусталь и фарфор. Все будто стали счастливее с приездом этого весельчака с непобедимой энергией, вдохнувшего жизнь в замшелые стены вымирающего русского дома. А сконфуженный отец заглядывал дочери в глаза, как будто прося о прощении.

Мира, любящая отца – с самого начала лучшего друга, сперва взорвалась. И у него, и у матери, она знала, существовали свои секреты, которые они не спешили раскрывать друг другу. Но чтобы так, поломанной жизнью кого-то еще... Она негодовала на отца, на ту женщину и на собственную мать, потому что та не только все знала, но и воспринимала случившееся с циничным философствованием. Понятно, за эти годы она вылила на отца такой ушат помоев, что уже, кажется, даже залезла в кредит.

Еще до свадьбы у отца была интрижка. Та женщина забеременела и родила этого потрясающе красивого мальчика, которого его младшей сестре было, тем не менее, жаль. И

хоть Тим явился следствием случайной связи когда-то давно, как в «Старшем брате», удар для Миры был тяжел. Что заставило ее родителей продолжать жить вместе? Лицемерие, чувствовала Мира. Но не ей судить. На отца Мира не могла злиться долго – слишком свежи были воспоминания о его осязаемой, полнокровной и яростной поддержке на протяжении всей ее жизни.

С отцом не было замкнутого круга. Он влиял на внешнее, земное. Мира не выбирала, как он, по его шаблонам, отпечатанным в подсознании. Мать же запечатлелась в митохондриях, в костном мозге. В самом разрезе улыбки и особенно – в восприятии.

Мира же для Тима стала будто прикосновением к миру утонченной сосредоточенности на собственной душе. Они нашли друг в друге недостающие осколки себя. Мира, изнывающая от разрыва прошлых связей с земляками – кто разъехался, кто напрочь ее позабыл – с осознанной радостью прошлых ослепленностей людьми протянула к брату ладони.

Сильный экстраверт, которыми она так восхищалась в юности и к которым все не могла подобраться, безраздельно перешел в ее властвование. Тогда она еще действительно пыталась коллекционировать людей, не понимая их неизбежный уход. Расплавленное блаженство того лета вернуло ее неиспользованную частицу юности. Того самого, с чердаками и тропинками.

В очередной раз резануло от недалеких воспоминаний. От

здорового запаха Тима, нетипично приятного для мужчины. В нем не было навязчивой маскулинности, отвратительности следуемым шаблонам. Не было даже желания приотптать, разрушить чью-то цельность, чтобы обрести успокоение и уверенность в собственной неотразимости.

И в миг Тима снова не стало. Где-то он есть, да что толку? Неужели все снова будет как прежде, без дружбы, без вдохновения? Лишь серый Питер и кофе с коллегами... Ленивый шелест дождя, бесцельное блуждание по вычерченным улицам. И мучительность мысли, что они должны быть едины, чтобы Тим никуда не ушел. Что они должны стать парой, чтобы не появился кто-то еще и не разрушил их союз.

Захотелось прекратить эту интенсивность. Если и чувствовать себя живой, то не так... Спонтанно прыгнуть в воду, плюнув на все земные связи. Ведь несколько последних десятилетий человечеству талдычили, как ничтожна планета вместе с нашими собственными жизнями.

Сколько можно быть сильной и тянуть... Пережить полгода зимы, поддерживая себя лишь мечтами о джунглях в отпуске, делать зарядку по утрам, есть полезную кашу, смиряться с приступами омерзения в метро. А на работе делать вид, что не плевать на все происходящее и трепаться с коллегами о пшике, который выветривается из головы еще до окончания беседы. Обедать по часам, в пять нестись домой через две ступени и обязательно пешком, потому что нет времени на спортзал. И в огрызок вечера, наконец, глотнуть

настоящего, на которое уже так мало сил... А назавтра вновь подыгрывать одержимым коллегам, будто в их копошениях есть смысл по сравнению со скоротечностью Вселенной.

И хоть она обитала рядом с ними, по-прежнему не хотелось становиться этими девушками, которые целыми днями сидят перед компьютерами в чрезмерно освещенных помещениях. Со стороны выглядит значимо, но ведь за пределами офисов распластана целая неизмеримая жизнь. Которая проходит сквозь в то время, когда они по скайпу общаются со своими генеральными директорами на благо компании, до которой, по правде говоря, никому нет дела.

А ведь в юности Мира боялась поступиться собственной ленью и стать равной этим людям-призракам, в анабиозе шурующим с работы и на работу. Теперь Мира знала, что чувствуют взрослые, очумевшие от работы – смутное удивление от чужого восхищения чем-то.

Зачем все это? Она ведь – расхлябанная девчонка, созданная, чтобы сидеть на балконе и часами читать, слыша шебаршение родителей на нижнем этаже и их препирательства. Почему нельзя просто остановить время? Почему герой в «Дне сурка» так взбесился? Это же мечта...

Нарастало. Сначала просто привлекательны казались волны, потом хотелось погрузиться в них, чтобы уменьшить это внутреннее жжение, как при ожоге. А потом просто прыгнуть в пучину, ни о чем не думая. Только об избавлении.

Поигрались с ней, поулыбались и пошли своей дорогой.

В очередной раз человечество потребовало жертвоприношения за честь быть его членом.

– Ты что творишь?! – услышала Мира грубый мужской крик.

И тут же снова долбанула до тошноты отчетливая неотвратимость реальности.

Он стоял наверху, на мосту и что-то кричал. Мира не шевелилась. Ей все осточертело. Какой-то навязчивый незнакомец, что ему надо? И вот он уже здесь, тянет ее за руки, в разные стороны разлетаются брызги... он вытаскивает ее из реки, что-то говорит, успокаивает, куда-то звонит.

Они сидели на полу по-турецки и потягивали мятный чай из чашек с клеймом ЛФЗ, оставшихся в наследство от тетушки, сбежавшей в Германию напрямик из девяностых. Закат атласными облаками набухал в лишенных удушающих штор окнах. И все было затуманено каким-то шелком эфемерного романа ровно до того, чтобы стать чуть размытым. Мира в нетерпении предавала Варе драгоценности, которые впитал ее мозг – то, что перечитала, передумала, пережила. Ведь, не найдя выхода, сокровища сознания просто пожухнут и иссякнут.

– Сколько смысла в жизни! Она оставляет в истории крупицу себя, прорастает в явлениях прочих. Ничто не проходит бесследно... А люди оказываются сцеплены больше, чем привыкли считать. Невидимая энергетическая нить, пронзающая все живое на планете... Даже те, кто просто ходит на работу. Они же вкладываются в развитие человечества.

Опутывало здесь то самое, домоводческое, о чем Мира давно мечтала, но что никогда не сбывалось. Всегда от образа Бри Ван де Камп отвлекали наболевшие отвлеченности и собственное нежелание тратить время на подборку идеальных подушек к дивану. Из открытых створок шкафов и кладовок виднелись деревянные вешалки и коробки с обувью. Старой, невесть откуда взявшейся из тех времен, которые

дошли до Миры лишь посредством фраз матери без начала и конца. Мира с детства впитывала завораживающий мир вещей старше нее. Может, поэтому прошлое для нее обладало куда большей поэтикой и значимостью, чем оголтелое будущее. Вот от чего любила она подернутые закулисной пылью спектакли легендарных питерских театров, словно приотворяющих дверь в прошлое семей и династий.

Воспоминания с годами как-то по-особому окрашивались, выпячивались, словно подсвечивались иначе. И приобретали все большую ценность, особенно в контрасте с однотипностью настоящего. Приподнимали над людьми и событиями. Посреди любого разговора, деловой встречи, прогулки или свидания прорывались мгновения, обычно сокрытые от сиюминутной памяти. Будь то аромат бабушкиных духов, которые она получила в подарок и тут же самоотреченно отдала внучке... Или сливочный вкус какао, который каждый раз беспардонно пересахаривала. Или цветы вишни через Лану Дель Рей в двадцать лет, когда не пришлось еще покинуть дом детства. Или, как у Достоевского в «Подростке», просто солнечный свет через ветви.

Отворенная дверь на балкон неспешно вытягивала из сада его наполненность соком жизни. Чем смутнее Мира помнила отрочество и юность из-за непрерывной усталости и недостатка солнца, тем ирреальнее становились события. Порой казалось, что они окончательно канули в Лету. А потом все равно клубились при прикосновении к материальным но-

сителям, отпечатавшим мгновения прожитого. Иногда даже хотелось притушить эти вспышки. Стать идентичной людям, которые утопают в смартфонах и не обдираются созерцанием бледного северного неба, на которое так больно смотреть после полугодовой мглы.

Мира как будто со стороны наблюдала за собой и Варей – словно сошедшие со страниц неспешного романа с балконами и весенними цветами. Но героини романов редко бывают счастливыми.

Если в Мире когда-то и пробивался идеал жизни, то относился он только к внешней атрибутике кринолинов, марсельских волн или... нет, современность не была такой поэтической. Наверное, не было и прошлое, его просто слишком красиво показывали во всех этих «Аббатствах Даунтон». Что же значит быть счастливой изнутри, Мира так и не знала – слишком тяжел был процесс протянуть хотя бы день. Благоденствие предполагало отсутствие отрицательных эмоций, но как же неинтересна сама себе и приторна она казалась, стерев гнев и мутную скорбь. Для внутреннего спокойствия, которое и оборачивалось счастьем, было нужно так мало, но оно так часто растворялось в монологах других людей, каждый из которых, казалось, так и норовил отвлечь от главного и поверить в свои мелкие невзгоды. Иллюзия утопии цеплялась лишь до тех пор, пока окна зажигались отблесками солнца, пока Варя отвечала на сообщения. Как только блестящий мир пошатывался, все эти сады, балконы и платья

на деревянных вешалках переставали светиться и создавать антураж, а Мира в апатии сидела на широкой кровати просторной спальни. И предавалась сладостной дрожи воспоминаний и самобичевания, пока ее длинная кофта грубой вязки валялась где-то на полу под ногами.

12

– Как бы мне хотелось воссоздать золотой песок отрочества, – говорила Мира Тиму, словно первому и последнему.

– Это когда ты прыщавый девственник и зависишь от того, насколько церберы твои учителя? Нет уж.

– Тогда все было вновь, чувства были такими яркими... Помню восхищение от каких-то повестей Тургенева, которые сейчас уже такого экстаза не вызывают. Помню, какое впечатление на меня произвели «Унесенные ветром» необратимостью времени.

– Депрессивные книги – бомба замедленного действия. Они тебе занеслись в голову, как вирус. Из-за них ты так воспринимаешь действительность, – ответил тогда Тим.

Он, очевидно, сказал это, чтобы послушать самого себя и выдать колкость.

Мира оторопела.

– А без них я бы воспринимала действительность обывательски. Было бы лучше? В подростковом возрасте жизнь была простой... Потому что я ничего не знала о ней. А эти книги открыли мне реальность.

– Реальность или чужой мир девиаций и нытья?

– Что ты называешь реальностью? Она и слеплена из миллиардов этих мини мирков девиаций или натужной радости. Тогда уж лучше мое нытье.

– Стареешь.

– Возраст мне подходит как никогда. Раньше я бабушкины слова просто повторяла, а теперь еще и понимаю. Играла сама в себя, но не дотягивала до планки. Но жить надо. Тянуть, ползти, искать. Кто знает, сколько еще чудес впереди!

– Духовным поиском страдают бездельники, не знающие, куда разбросать жизнь, – метнул Тим, лишь бы продолжить препирательства.

– Слова загнанного человека. А мы должны быть свободными...

– А вместо этого мы грустные.

– ...но свобода сама по себе невозможна, поскольку мы заточены в этом теле и на этой планете. Чувство тупика – лишь отголосок этого сакрального знания, отпечатанного в генотипе.

– Достичь земного счастья, как и твоей свободы, недостаточно.

– А ничего недостаточно. Но все равно жизнь не бессмысленна, если уже даже на заре цивилизаций люди горели, как Икар. А тогда у них было куда больше поводов быть несчастными и больными.

– Я как-то прочитала, что нет великих женщин. И была поражена.

– Дилетантством?

– И напыщенностью.

– Еще говорят, что великая женщина – исключение. Но великий мужчина – тоже исключение, – запальчиво округленные глаза Вари блестели. – А при доступе к образованию без ограничений мы результаты показываем не хуже. И это всего за сто лет свободы.

Ее судья и поверенная. Говорить с Варей было словно дышать воздухом после душных стен под режущим искусственным светом и затягивающих в петлю однобокости разговоров коллег. От общения с ними будто таяло ее прошлое, то, чем она и была ценна. А оставалась только вылизанная оболочка, с обманчивой значимостью изрекающая специализированные термины.

– Люди много говорят. Как и мы, – улыбнулась Варя.

Варя дарила столкновение с редчайшим полетом мысли. Не напечатанной на бумаге, не отображенной на Ютубе, а осязаемо находящейся рядом. Доброй, но негодующей, запертой на Земле и раненной несовершенством мироздания.

– Порой перечитаешь свои старые записи и с грустью вздохнешь. Сколько было сил поздравлять всех с днями рож-

дения, обо всех помнить... Повторить бы то восхищение миром, ошарашенность после первого прочтения «Саги о Форсайтах»... Приходится надевать на себя личину, чтобы демонстрировать рефлексы на слова, обращенные ко мне. А если мне самой с собой противно от слипшегося мозга, что ждать от прочих? Что они мне вдруг станут незаменимы?

Варя понимающе закрыла глаза.

При соприкосновении с Варей Миру резала мысль, что женщину тяжело любить. К восхищению и сродству добавлялась конкуренция. Но только женщин как средоточие сакральности и интуиции и можно обожать по-настоящему. Мира любила в Варе то, чего не было в ней самой, но проявлялось благодаря влиянию Вари. И чему она потаенно продолжала завидовать.

И вместе с тем укоренялось понимание, что ей недостает того уровня близости с Варей, которого она так настырно добивалась. Захваченной их интеллектуальной верностью, ревностью и пропастью, хотелось запросто лежать с ней, гладить ее вымытые волосы, неся на пальцах пыльцу нежности и потребности дарить. Мира с раздражением думала, что какой-то несущественный самец имеет на это больше прав, чем она, Мира, понимающая Варю досконально.

– У нас есть только это мгновение. И больше ничего, – говорила Мира под бомбардировкой этих мыслей.

– У нас годы за спиной, не говоря уже о прошлых жизнях. И это отпечатывается на каждом действии, даже если «голо-

ва пуста настолько, что ты мог бы в ней поместиться целиком».

А потом приходил Арсений, и Варя словно отлетала от нее. Вроде бы достойный спутник любимой Вари, к которому не зазорно было ревновать. Обычно мужчины не вызывали интереса, а лишь неприятно скребущее отторжение, смешанное с омерзением. Но Арсений был не так лубочен. И слишком многое занимало его, и подавалось со сгущенным юморком.

Его будто вовсе не интересовали побочные результаты жизнедеятельности. И на собственное благополучие он взирал с признательной констатацией очевидного, утвержденный в собственном образовании и влиянии.

Смотря на его пробивающуюся через кожу щетину, Мира нежеланно соображала, что для Вари всегда важнее будет Арсений. Потому, что так устроено испокон веков – они уединяются вечерами, чтобы прорвать земную обложенность и впасть в трансцендентность. Проклятое устройство общества, зарожденное на общечеловеческих свойствах, которое вполне устраивало Варю несмотря на всю ее небесность. Привязанность к Варе таким образом даже в воссоединении оставалась какой-то печальной, ориентированной на необходимость расстаться. Ведь и Варя потакала своему природному выбору.

Тяжело было падать с пьедестала, куда Миру поместил Ти-

мофей.

Приятно было обманываться, что она никому не нужна – так проще было желанно отойти в сторону. И вместе с тем истово хотелось добиться взаимности и быть милой, пряча оголенные клыки за полуулыбкой. Сознание собственной обычности было нестерпимее одиночества, хотя и позволяло упиваться поспранностью и непонятностью. Чувство это частенько определяло ее отношения с другими и охраняло от них. Оно отсылало к неудавшемуся роману матери, в финале которого она по доброй русской традиции закольцованного несчастья бросилась к отцу Миры. Очень рано Мира усвоила, что даже внешне однообразная женская жизнь наполнена палитрой чувств, причем редко светлых.

Главной целью Мириной любви ко всем им было запечатлеть себя в чужом сознании и извлечь из них что-то драгоценное для себя. Невзаимная любовь хоть и окутывала налетом поэтичности, была в какой-то степени игрой, предтечей.

Так и наложилось одно на другое – атмосфера цветущести их душ, их увлеченности друг другом и невозможности отбросить затаенный диссонанс.

Оба смотрели на Миру с опасением, не сиганет ли она вновь в реку ради показного самоубийства. И Мира вынуждала себя разубеждать их своим преувеличенно довольным видом. В сущности, она никогда бы не отказалась от жизни, но им было этого не растолковать. И они продолжали видеть в ней какую-то надломленность, хотя прекрасно видели, что

она есть за двоих.

На первый взгляд Варя и Арсений были мягкой, слегка ироничной парой, танцующей в непрерывающейся гармонии. Мира попала под их очарование. Ее разоружало их благоденствие, их сочетаемость. Мира воображала, что они дают друг другу свободу, где дух преобладает над мелочностью собственничества. Красивейшая пара, которая смеется что-то себе, и никто ей не нужен... А ей бы просто в их тени погреться, что, тем не менее, оскорбительно.

Но первый взгляд никогда не оказывается верен у людей более чем с одним слоем.

Мира все чаще думала, что неплохо было бы стать мужчиной и объединиться с какой-нибудь прекрасной и терпимой женщиной, первообразом «всего в себе». Как было бы легко, если бы не она была женой с обязанностью отречься от собственной самобытности, которую годами собирала по бусинкам.

Она боялась мужчин, но не уважала их, полагая, что их благополучие было возведено на высасывании сока из более слабых. Тяжело было уважать преуспевших в изначально неравной схватке. С отрочества ждала Мира друга, партнера, который в чем-то будет образовывать ее, но и учиться у нее тоже, иначе вовсе не видела смысла вступать в какие-либо связи.

Мира слабо представляла, как именно мужчины жаждут женщин и не желала отождествлять себя с ними. Лишь в короткие мгновения, когда культура насилия и на нее налагала определенные шаблоны, Мира зажигалась от мыслей о других женщинах как о подневольных ее самой в ипостаси мужчины. Но с течением времени Мира старалась отойти от этого отравляющего и оскорбительного уподобления. Для нее другие женщины идентифицировали мягкость и силу, заточенные в господствующие условности. Она хотела любить их и заботиться о них, создавая прочные союзы воли, интеллек-

туального сродства и взаимопомощи. Но пока под эту утопичную модель подходила лишь Варя.

Собственная самость в обложке все яснее ощущаемой потребности не уступать другим женщинам взвилась в Мире в тот период наслаждения линиями природы. Получить одобрение Вари с ее немеркнувшей кожей было важнее, чем привлечь мужчину, который ничего не понимал в этих хитросплетениях.

При всем этом хотелось увидеть в Варя живого страдающего человека, а не закалившуюся безгрешную статую. Во всем она была так хороша и умела, так внимательно слушала, что Миру иногда подташнивало – и она погналась за идеалом. Ничему не научил «Мартин Иден».

– Мы пойдем в лес завтра? – как-то спросила размягченная обычной отзывчивостью Вари Мира.

– Не могу, – прямолинейно отозвалась та. – У Насти день рождения, она что-нибудь придумает.

Мира не изменилась в лице, но оно постепенно стало более усталым.

– Ты не выспалась? – участливо спросила Варя.

– Все отлично, – Мира наскоро улыбнулась и скрылась в прохладе холла.

Без нее могли обойтись... это унижало, но и не позволяло прочувствовать свою власть.

Мира опасалась идти против Вари. Ее так любили прочие, абсолютно не интересные, что существовал осязаемый риск остаться одной, в то время как Варя будет купаться во внимании почитателей. И приветливость ее несколько наигранна, как виделось Мире, исследующей внутренние брожения с наблюдательностью Павлова.

Умная, до неприличия логичная, до отторжения здоро-

вая и правильно мыслящая, все делающая вовремя и верно Варвара... Пораженная категоричностью умных женщин, которые слишком рано поняли мифичность сказок о том, что кто-то будет заботиться о них. Практически шаблон, который бесил тем, что к нему невозможно было придрататься и тем более до него дотянуть. Как только казалось, что Варя достигнута, она будто вновь уплывала к начальной точке дружелюбной, но не проникновенной сопричастности.

Варя должна была наскучить Мире, будучи слишком на нее похожей, но только она и вызывала отклик вкупе с раздражением, отторжением и скрытым восхищением. Варя сочетала в себе наиболее привлекательные качества боготворимой Мирой бабушки – ясную голову, стойкость и способность к восприятию поэтики. Но бабушка заливала ее своей любовью, как никто. А ее двойник лишь одаривал собственным эгоизмом и становящимся все очевиднее признанием, что никто никому не нужен.

В голове Миры вертелись тысячи причин, почему Варя не несется к ней по первому зову. И главным набатом стучало, что Варя дрянь, стерва, изменщица за этой обманчивой улыбкой тотальной сопричастности. Ведь именно так и рассуждали творцы о вчерашних музах, в кабаке раздувая ноздри про «молодую красивую дрянь».

И вместе с тем Мира словно смотрелась в зеркало и видела в Варваре свою собственную черствость в вердиктах и быстроту на расправу. И ей становилось неприятно от это-

го портрета. Хотелось сохранить уходящую мягкость, уступчивость даже. Но выжить с таким шлейфом крашенных под стандарт волос не представлялось возможным.

Мира путала, где в ее отзеркаливании Вари зависть сплелась с обожанием, самоедством и ненавистью к существу красивее и изящнее. Ее раздражало то, что одновременно притягивало – Варина доброта и аура сокрытых мотивов, такая невыносимая, если обращалась не к Мире. Хотелось быть с Варей в вечном тет-а-тет, но она, будто не понимая, вовлекала в их диалог остальных, не столь интересных. Постоянно перерубленные чужеродным вторжением фразы Миры отваживали ее от желания высказываться.

У Мирославы двоилось в голове – сама она казалась себе то безудержно правой, то последней мерзавкой, очерняющей ни в чем не повинную Варвару. А повинна она, наверное, лишь в том, что не позволила сесте себе на шею, что при кажущейся мягкости четкогнула свою линию. И Мира с отвращением взирала сама на себя. Колючая, до омерзения рациональная... потерявшая часть чего-то хрупкого и прекрасного в себе, но приобретающая плоть. И она когда-то была воздушной девочкой, читающей английских романисток и проживающей в огромном доме с вишнями под окном. Сидела бы там весь чертов май и оценивала бы степень возрождения земли к новому плодоносию, а не это все...

...и вот она вновь сидела на полу в этом почти заброшенном доме, наверняка построенном уже умершими людьми. И не в силах была противиться буйному запаху цветения за пределами тронутых тлением стен. *Summertime sadness...* Кто и когда возвел этот дом? Для кого? Возможно, кто-то надеялся проводить здесь неспешные, ленивые и исполненные неизгонимой тоской летние вечера. Надеялся, что не развалится страна, на которую положил всю жизнь, надеялся на достойную старость. Или возвел дом для семьи, которая стала единственным приобретением на его необъятном пути, а затем рассеялась по городам и странам. Вот и вкладывай во все это силы и время... Для Миры семья никогда не была не только целью, но и желанием. Может, поэтому она и оказалась здесь в полном одиночестве перед этим замкнутым человеком с каменными глазами.

Мира сама не понимала, насколько соскучилась по схожим местам предтечи своей жизни. Она гостила у родителей как-то вскользь, куда-то спешила и никак не могла воссоздать упоения прошлого. Сама не понимала, насколько была счастлива раньше отсутствием явных забот. Она была свободна как дух, как мысль агностика. Воспоминания о пропитанных природой местах смешивались в причудливое нагромождение. Они объединяли времена года, отрочество и

юность, не помня людей, но оставляя ощущения от нахождения с ними, ослепленность от познания их, от приоткрывания незапамятной тайны чужого и собственного сознания.

– Варя ценила меня... но не как самую близкую душу. Со всем не то, что получала в ответ.

Арсений изобразил нетерпение.

– Но ты сама виновата! Ты можешь приходить сама, а не ждать каждый раз, что тебя позовут. Ты можешь дарить любовь, а не только ждать, когда ее на тебя обрушат.

– Это не в моем характере.

– В этом вся ты! Весь мир должен лежать у твоих ног. Единственная дочь родителей, которые едва не дрались за тебя. Твоя свита никогда не смеет отойти, чтобы не обрушить на себя незаслуженный гнев.

Мира задумалась.

– Я прекрасно знаю, что такое быть отвергнутой, – твердо сказала она и вытянула шею.

– Как и любой человек на земле.

– Вы думаете только о себе.

– Как и ты! Ты... хотела быть с нами? Кем для нас?

– Я хотела быть для вас обоих исключительной.

– Вот где корень... в твоём фантастическом самомнении.

Была бы ты глупее, я бы понял сразу. Вот почему ты оказалась в той реке – не смогла вынести мысли, что тебя возможно оставить.

– Не смей.

– Смею. Ты изначально настроила себя на провал, потому что страдать интереснее, чем быть счастливой.

– Здесь ты ошибаешься. Были причины предречь себе очередной провал.

– Провал с твоим братцем.

– Не тебе судить о Тимофее, – огрызнулась Мирослава, не почувствовав причитающегося негодования – она знала, что Арсений не способен в полной мере осудить ее в силу своей оторванности от земли.

Не мещанин... Но все же он отвращал чем-то в самой своей сущности, походке... Раньше она не замечала этого. Мира всегда старалась выцеплять из людей эту блаженность, но ведь и юродивые с удовольствием проедали милостыню и не особенно-то рвались работать.

– Ну ты же посмела убить моего ребенка, – ледяным тоном отозвался Арсений.

Мирослава едва заметно дернулась и как будто передумала говорить первое, что пришло ей в голову.

– Ты пытаешься меня задеть. Но не выйдет – все уже выжжено.

– Может, себя ты и убедишь. А меня не удастся. Ты убийца и есть. Помнишь, как Иван Карамазов.

– Иван сам себя в этом убедил. А Смердяков ему внушил. Два неврастеника.

Арсений издевательски хмыкнул.

– Ты... как мужчины любят оскорбляться в чистых чув-

ствах, которых и в помине нет.

– Ты переходишь на абстрактные частности. Потому что меня переспорить не можешь.

– Еще как могу. Что тебе этот ребенок? Только доказательство нашей с ней черноты. И переживаешь ты больше о потере контроля. А еще меня упрекаешь в непомерном самомнении.

– Ты ей рассказывала сказки про свободу, про выбор. Нет никакой свободы у человека, есть только физическая смерть совсем скоро. И что вы после себя намерены оставить? Инстаграм? Идиотки.

– Не тебе ее телом распоряжаться, – зарычала Мира.

– Ты слишком много читала, а общаться с живыми людьми тебе в голову не приходило.

– Живые люди более пресные, чем оглавление человечества.

Арсений отвратительно расхохотался, почти не проявив свою и без того немногословную пластику.

– Какая же ты низкая себялюбивая баба. Мне надо было это понять сразу. А сперва-то ты смотрела на меня своими чистыми глазками. Ты все разрушила.

Мирослава удовлетворенно улыбнулась.

– Вот почему она тебя бросила. Чужую жизнь разрушить невозможно, если в ней нет изначальной гнили. Ты просто оправдываешь собственную безынициативность.

Арсений напряг шею.

– Знаешь, ты просто типичный мужлан, который кричит о своей возвышенной цели и не удосуживается вымыть за собой тарелку. Вами наполнена планета благодаря бездоказательной идее, что вы избраны, помазаны богом или лучше эволюционировали. Идее, которая соплями тянется с возникновения земледелия и никак не сдохнет.

Мира беззастенчиво смотрела Арсению в глаза. Когда-то он восхитил ее своей мужественностью. Не показушной, а казавшейся истинной, которая так и кричала, что он другой, чем Мира, что все его тело сложено иначе, без этой бархатной кожи на груди. Ей не стоило верить в безупречность их союза. Вера частенько оборачивается той завершающей комнатой, где Варя пережидала судороги боли, пока ее муж разглагольствовал об отвлеченных материях.

Понимал ли Арсений, почему именно Мирослава так привязалась к нему? Он был свято убежден, что покорила ее собственной выдержкой и интеллектом... скорбно намекал, что Мире не на что надеяться. Мирослава недобро усмехнулась при флэшбеке об этом. Хотя, стоит признать, несколько раз рядом с Арсением Миру и правда охватывало отторгающе-безысходное чувство нахождения с мужчиной, с которым никогда не перейдет определенная грань. «Мне нравится, что вы больны не мной».

Он всегда стоял перед ней. Всегда Варя была дороже не в силу объективных причин, а просто потому, что родился мужчиной. Даже здесь, в деле сердечном, он обошел ее. Ми-

ра научилась мириться с тем, что мужчинам легче везде, что они не выталкивают из себя младенцев, разрушая свою самость. Но не могла понять, почему даже в запертном женском мире, который, кажется, с молоком матери должен впитывать скрытую агрессию против мужчин и при удобном случае поступаться их доминированием, продолжается та же песня. Что Арсений давал Варе такого, что не могла повторить Мира? Наоборот, только Мира понимала ее с детства ищущий дискомфорт принадлежать ко второму полу. То, что мужчины пропускали как проходное и абсолютно непонятное, в чем и не хотелось разбираться. Арсений был лишь лестницей к Варваре, недостающим стеклышком в цветной мозаике ее очертаний.

А хотелось быть только с Варей. Болтать с ней, смотреть в ее вытянутые осмысленные глаза, на напев волос, не оскверненных краской. Все, что бы ни делала Варя, о чем бы ни рассказывала, обладало каким-то смыслом, шармом, получалось лучше, чем у других.

Но их связь не пережила того, что произошло в той комнате, когда обе женщины уничтожили что-то в себе и друг в друге. И Мире снова приходилось собирать осколки себя после слишком плотных месяцев одержимости кем-то. Как чудно, что бабушка заложила это в ней своим неопровержимым примером.

– Ты просто мелкая эгоистка.

– Есть два человека, которые хотят разного. Значит, оба

они эгоисты и никто не имеет права обвинять в эгоизме второго.

– Тебя разве не настигла грязь некрасивого поступка, который уже необратим? Презрение к себе?

– Я не верю в искупление. То, что совершено, настигнет в любом случае. Поэтому и стоит тщательно обдумывать свои поступки. Переделать себя невозможно.

– И тем не менее ты оправдываешь себя.

– Как и любой другой человек.

Варя облеклась в платье цвета травы, перечеркнутой ветками, начертала розово-коричневые губы поверх своего лица. С заостренным книзу подбородком и выточенными стройностью скулами, не размениваясь, перешла к сути спустя пару часов вводных сплетен и смакования новостей.

– Хорошо жить как ты, без видимых порезов на сердце. Какой-то нежной.

– С чего ты взяла? – огорошенно спросила Мира. – Ты думаешь обо мне лучше, чем я того заслуживаю.

Мира видела себя отвратительно сорвавшейся с катушек грешницей, пробудившейся за годы осознанности и обилия свободного времени. И даже упивалась этим. Хотя следом догоняла боль запоздалого признания, что жизнь идет как ей вздумается, и бесполезно закалять себя на ее планирование. Раньше она не желала повторять за матерью ее вялые сетования, но каждая цветаевская невстреча словно затягивала в круговорот усталой правоты пессимизма.

– А разве нет? У тебя такой чистый взгляд.

– Я отвратительна. Сухая, обо всем судящая. Мы все микрируем, чтобы смотреться ангелами и не получить по заслугам. А так я предельно уныла, как ты могла убедиться. С сожалением рассматриваю фотографии школьных лет. Там я смеюсь и обнимаюсь с подругами. А теперь мозг просто до

основания забит каким-то экселем. Дышать нечем. А душа себя едва помнит.

– Ты просто хочешь выглядеть востребовано. Всех интересных личностей принято считать ненормальными. Но по большому счету нам и исправлять нечего.

– Есть. У всех людей есть, что исправлять.

– Но разница в том, что надо исправлять, непропорционально велика, – с какой-то хрипотцой злобы сказала Варя.

– Западная цивилизация щедро одарила нас пониманием, что нет счастливых семей.

– Или западная цивилизация любит сгустить краски. Потому что иначе нечего будет делать на Венецианском кинофестивале.

– В этом что-то есть... Даже моя семья сквозь наигранный надрыв демонстрирует торжество альтруизма и взаимовыручки. Отец нежно заботится о бабушке теперь, когда она больна. Орет и заботится. А мать по привычке страдает и его обсирает... А до этого мне казалось, что моя семья никогда не существовала взаправду, что это лишь разрозненная группа людей, по экономическим причинам существующих на одной территории. И вот как выходит в итоге все...

В тот момент Мира окончательно поняла, почему так выделяла Варвару среди прочих – она смотрела глубже и трагичнее, чем остальные. Наверное, в силу каких-то детских причин. Они уже ходили друг с другом около темы несчастливой семьи. Благодаря этим недомолвкам Мира решила,

что время пришло. Что пора уже кому-то поведать, каким на самом деле было детство залюбленной дочери двух неладящих родителей. При каждой новой встрече наработанный за время отсутствия в отчем доме образ их пары неизменно приходил в негодность.

Мире с ее возраста спорными казались многие утверждения матери, обиженной на всех и винящей мужа в своих невзгодах начиная от загубленной жизни кончая отвалившимся колесом на чемодане. И уже с подросткового возраста, вынужденная анализировать свалившиеся на нее открытия, Мира чувствовала в этом подходе нечто ненатуральное. Как – никак, а век бесправия унесла в свою могилу кипящая история человечества. Но многие продолжали за бесправие цепляться, оправдывая тем самым собственную безграмотность и лень. Дочь так и не стала ни на чью сторону в затяжном и балаганном споре родителей. Жертвы и палачи навсегда стали весьма условными градациями.

– Она нуждалась во мне только когда я была маленькая. Теперь даже не предпринимает попыток сблизиться, будто не хочет слышать правду. Мама любит лишь беззащитных маленьких детей, потому что они не начнут спорить. А со мной она будто не знает, что делать теперь. Да и я хороша... Так раздражаюсь на ее инфантилизм этот показной. Ведь, когда ей что-то надо, она и стену головой пробьет. Но продолжает играть в девушку в беде.

– Матери такой титанический труд проделывают с детьми,

а на них потом спускают всех собак.

Мира поджала губы, не смотря на Варю.

– Нам говорят, что мы приобретаем опыт, а на деле становимся лишь изнасилованы социумом. Хотя и выжить без других не можем.

Мира перевела дух, скорбно глядя в пустоту.

– Если ты себе не поможешь, тебе никто не поможет. Общество сделало больной мою мать. А темперамент и попустительство бабушки, любящей своих дочерей без оговорок, довершили дело.

– Или она попросту родилась такой. Не у всех есть зубы и желание.

– Но в Америке мама добилась бы куда большего. Ее бы по-другому вращивали. Еще и провинция паразитировала на ней всю жизнь, выпивая и так не плодотворные соки.

– Феминизм вылечил мои отношения, избавив меня от сексизма в сторону мужчин. Я не требую от них смелости, мужественности, финансовой обеспеченности. Не одобряю армии и того, что они тут же обязаны бить морду обидчикам. Но и у меня тогда руки развязаны – они не могут требовать от меня взамен обязательного ужина.

– Как вообще можно людей поделить по гениталиям и заочно возненавидеть одну из сторон?

– Нельзя. Много чего нельзя, что происходит.

Мира вздохнула.

– Поступки людей необязательно логичны, хоть и рассуж-

даешь о чужих свысока обычно в самом разумном ключе, – продолжила Варя.

– Только вот для своих косяков тут же придумывается 100500 оправданий.

Варя кивнула, с удовольствием подхватив мысль.

– Меня забавляют комментарии о чьих-то ошибках – надо было понять, надо было догадаться, надо было логически рассудить, что тебя оставят одну с ребенком, ограбят, изнасилуют, бросят в атомный взрыв... Критики словно сами никогда не были за пределами логичного, теплого мира, где моральные нормы работают без сбоев. Бессердечность – это ограниченность...

– Правда в том, что здоровый человек способен обойтись без кого бы то ни было, потому что мы «рождаемся сами, живем сами и умираем сами». Фатализм верен лишь для тех, кто в него верит. Мне очень помогли книги по популярной психологии про ком созависимости. Однажды я поняла, что на самом деле это лютая совметимость. Что людям так становится удобно. Это надо преподавать в школе, а не слово божие. Жертвы может требовать лишь строй, который доводит тебя до безысходности, обобрав до нитки.

– Как верно ты говоришь...

– Моя семья научила меня смотреть за пределы коробочки, в которую нас замуровали и залепили рот дутой мощью некогда и правда великой страны. А если не смотреть на то, что моя мать чуть не покончила с собой во время затяжной

послеродовой депрессии, спровоцированной и рукоприкладством отца, моя жизнь была вполне безмятежна. Пока она не рассказала мне, я считала, что шрам у нее на животе от утюга. Ожог. Но люди любят все опошлять и подстраивать под свою одномерную систему восприятия. Поэтому эта трагедия и во мне трансформировалась в эпизод, где мама сама, наверное, виновата. Что родилась в обществе, где это – норма. А Мама ежечасно критикует все и каждого, первым делом выискивая в человеке недостатки. Особенно акцентируется внимание на неряхах и больных, хотя сама постоянно болеет и раскидывает вещи... Она похожа на Кая, видевшего мир через осколок зеркала в своем глазу.

По наитию, само собой почти вырвала из гортани, протаскивая по пищеводу колящим кольцом. Мира могла сколько угодно демонизировать Варю, убеждая себя, что дает ей так много, а взамен не получает сторицы. Но один ласковый взгляд развеял все недомолвки.

Вытянутые глаза Вари с горечью устремились на Миру.

– Прощу, не смотри на меня так. Я – не жертва. Не собираюсь устраивать истерики из-за собственных демонов и искать спасения в наркотиках. Не собираюсь относиться к другим как к дерьму, потому что не могу совладать с собой. Я переборола это. Проанализировала. Вылечилась. Делать из неровной истории взросления трагедию всей жизни – попустительство. Тем более и мать моя не так проста, как кажется. Нет однозначных трактовок. Ведь она подсознательно искала того, кто будет заниматься всем внешним вроде оплаты счетов и оформлением ипотеки. А она уползет в скорлупу. И уползла ведь. А отец и правда все решает. Где на исходе Совка она еще нашла бы того, кто стал бы с ней нянькаться? У меня пол класса было без отцов. Не выдержали ответственности несчастненькие папашки.

– Я, например, сама не смогла справиться, – разлепила Вarya уста после красноречивого молчания. – Зато теперь могу порекомендовать отличного психолога. Который без субъективизма скажет тебе, что ты ни в чем не виновата. Потому что ты продолжаешь винить себя в несложившейся судьбе матери.

– Я и так ни в чем не виновата.

– Мне бы твою уверенность тогда... А людей ты видишь

хорошо. Тебе надо было стать психологом.

– Такое можно сказать каждому мало-мальски наблюда-
тельному человеку. Но здесь нужен определенный склад и
терпимость, граничащая с цинизмом. А я не выношу людей,
они все разрушают. Не могу представить, что они сидят пе-
редо мной и выливают свои помои, параллельно выпраши-
вая оправдания и очернения кого угодно, но не их самих. Да
и психологи больше надумывают себе сами или собственную
предвзятость обрушивают на пациента. Вплоть до того, что
неясно, кто кого лечит.

– Ну нет. Хороший психолог ставит перед тобой зеркало
и помогает увидеть то, что ты сама отказываешься или дей-
ствительно не можешь. Порой очень важно услышать, что
вина реально не в тебе.

– Вина редко в нас, но мы все равно оказываемся виноваты.

Варя скорбно улыбнулась, царапаясь о мнение кого-то до-
рогого, кто неожиданно озвучил нечто ранящее.

– Перенос вины на жертву.

– Просто я больше не понимаю людей, отказываюсь. Рань-
ше мне хотелось их понимать. Вижу только, что они сами
– источники собственных проблем. Раньше я добрее была.
Раньше мне нравилось наблюдать за людьми, они казались
интересными. Теперь мне хочется бежать, не оглядываясь.

– Знаешь, в нашем возрасте уже начинаешь понимать, что
отдельные люди не виноваты. Что они просто заложники об-

щественного уклада. В них говорят отголоски тех, кто в свою очередь повторяет лишь чьи-то отголоски. Проблема вне. Это как споры грибов. А работать над тем, чтобы их изжить, не все хотят. Потому что это проще. Не лечить грипповый ноготь, не обращать на него внимания...

– И в то же время тюрьмы кишат этими «не виноватыми», которые, себя обеляя, кого-нибудь пырнули.

– Говорить, что люди сами виноваты в своих проблемах, может лишь тот, для кого жизнь вынужденно черно-белая и предельно понятная. Если бы так только было...

– И при этом у любого человека есть свобода выбора.

Вернуться бы сейчас за столик случайного утра под взгляд насмешливого парня с нетерпеливо – гибкими кистями. Но Мира продолжала стоять на испещренном каплями асфальте в нрядном платье, хотя и не встречала весну. А скелеты в шкафу по-прежнему боялись темноты. Мира не оборачивалась на окно с взъерошенным профилем Тима. Словно он был обычным застенчивым кавалером, а не эксцентрическим центром любого сборища.

Совсем недавно он уплыл к другим девушкам только потому, что они имели с ним меньше совпадений в последовательности нуклеотидов.

Острое чувство конца, абсолютно необходимое, будоражащее, совершенно любимое. А остались от всего только неровные вспышки смываемых ощущений. И это пройдет... прямиком до могилы.

Варя беременна. И Мира ей больше не нужна. Станет лишь подругой из прошлого, которой пишут пару раз в год, чтобы впопыхах поздравить с с Новым годом и между делом похвалиться фотографией растущего чада. Мира, которой дети чудились не более чем финансовой ямой, не могла принять, что кто-то добровольно согласен разводить их. Если бы только это мог быть ее ребенок от них обоих, упрочивающий ее положение, а все они жили дружной коммуной...

Жена для утех и жена для пользы, а между ними мужчина, но не как цель, а как ресурс. Чем больше в отношениях людей, тем слаще и хмельнее их веретено.

Насмешливые, оголтелые, остроязычные, брат и сестра друг от друга пытались скрыться за остроязычием. Тим что-то рассказывал из актуальных новостей, а Мира смотрела на него с плохо замаскированным сочувствием и неверием. Его энергия, которую он так беззастенчиво расплескивал вокруг, и на сей раз дошла до ее внутренностей. Почему в нее так впечаталась его лупоглазость средних просторов? Почему ей вообще нравились мужчины? Разве не все равно, от человека какого пола получать удовольствие? Инстинкт просто диктовал, не ища первоисточники.

– А ты думаешь, мне пришлось легко? – ответила на рассказ о его горестях последнего времени взрослая женщина с уставшим, до пугающего осмысленным взглядом.

И Тим, который никогда не лез за словом в карман, замолчал, как молчит мужчина, который боится лезть в вулкан женской души, грозящий ошпарить окружающих.

– Ты не понимаешь... Мать и так натерпелась в одиночном материнстве. А я детей хочу, иначе все прервется, – сказал он жалко и неуверенно, не желая признавать ни своих скрытых желаний, ни того, что Мира еще тогда дала на все недвусмысленное согласие.

– А я все испортила тебе.

– Не надо...

– Почему не надо? Ты же оправдаться хочешь? Ведь это то, чем люди постоянно занимаются помимо осуждения остальных.

Тим изменил выражение лица с дружелюбного на саркастическое.

– Если ты так это видишь, твое право.

– Знаешь... Мне надоело чувствовать себя виноватой во всем. Думаешь, что я отвратительна – думай. Мне плевать. Я не обязана быть сестрой милосердия. Я не буду поддерживать связь с тобой только потому, что ты мой брат. Слишком много ты хочешь, чтобы жопку не ободрать. Но так не бывает.

Девчонка, которая при драке с ним отломала спинку кресла и хохотала при этом, как умалишенная. Била больно, вгрызаясь ногтями под кожу. И с нежностью, пропорциональной агрессии, обнимала потом его голову. Она столько времени потратила, чтобы оздоровить себя, быть счастливой, применить к себе советы по позитивному мышлению. Чтобы выжить в занесенном теменью городе, в разъедающем метро. Не для того, чтобы сейчас сорваться вновь.

Но и тщательно нарощенная мембрана поистрепалась, грозя обнажить исконную человеческую беспомощность перед неподвластным. Подвластен был лишь угол, под которым сознание исследовало окружающее. Чтобы хотя бы притереть безжалостный след поколений, выращенных в стране, каждый строй которой приподнимался на их костях. Чтобы

забить беспомощно разеваемые лишь в жалобе рты женщин,
которые рожали друг друга на убой традиций.

Вот парадокс – в первые дни исчезновения Тимофея казалось, что что-то оборвалось, ушло безвозвратно. Но жизнь просто катилась дальше в бешеном ритме. Так же писали девочки, такими же вкусными казались печенья. Времени смаковать боль почти не оставалось. Может, Мира слишком выдрессировала себя на КПД, но регенерация молодого духа проходила быстрее, чем в романах девятнадцатого века, упивающих бедой.

Ее наполненная событиями молодая жизнь сочилась красками, не давала продохнуть. Стремилась продегустировать миг и поймать пронзающий сгусток чужого существования. Все заграбастать, всюду капнуть. Почитать и про фагоцитоз, и про Мурасаки Сикибу, померить и брючный костюм, и воздушное платье. Всего добиться самой, чтобы ничто не смел ей ничего предъявить, а родные гордились, но и быть оберегаемой для разнообразия. Сохранить баланс и не спянуть... Получить удовольствие от близости с мужчиной и не заработать в довесок парочку инфекций.

Он сидел напротив. По-прежнему задиристый, искрящийся. С легким налетом понятной грусти. Смотрящий на нее с выжиданием. Любимый, желанный предатель.

А Мира удивлялась, насколько полна у нее голова. Альманахом по Довлатову в Молодежке. И последним концертом

НМ. И тем вечером, когда она распрощалась с девочками с прошлой работы и рыдала в пустой потемневшей квартире, оперевшись на кости коленей. Все это было уже без него и по его же воле. Жизнь не стала хуже, она изменилась. И проступала где-то едва слышно гордость за собственное полнокровие. Времени страдать попросту не было... на полках укоризненно торчали нечитанные фолианты.

Мира вспоминала всех тех девочек и мальчиков, которые прошли сквозь жизнь, пронизали ее паутиной своих реакций, обрубками фраз и ушли каждый своим путем.

Люди давали информацию, настроение. Идеи. И каждый был при этом закрытой недоступной системой, варящейся в продуктах собственного метаболизма. Теперь Мира понимала, что желание вернуть этих людей в какой-то степени было тоской по искрящемуся прошлому, а не по ним самим. По древнему страху безвозвратности бытия.

Куда делось все это? Их многокилометровые прогулки по городам и селам, безумие нежеланной страсти. Споры, слезы, дрожь и экстаз. Короткое лето в Ленинградской области, запечатленное помутневшим от вечного дождя объективом зрачков. Но глубже этого всегда будет весенний воздух подземных цветов, давних странствий к дому. И наглаженная бабушкой свежесть порошка на только что выстиранном платье, в первый же вечер заменяющаяся запахом нагретой кожи.

Если бы Варя сделала аборт... А ни то делить ее придет-

ся еще и с младенцем. Эту битву Мира проиграет. С Арсением еще можно было тягаться или модифицировать свое отношение к нему в спектр. Варя философски относилась к потере людей. «Это естественное течение обстоятельств», – говорила она. Мира побоялась стать частью этого и вела себя по отношению к Варе максимально предупредительно, понимая, что в случае чего ее просто вышвырнут. Вместе с тем Мира старалась реверсивно обратить эти слова на их авторку. Испытав облегчение от возможности побыть хуже, чем пыталась казаться.

Миру вообще преследовало какое-то духовное отупение от изможденности. А мысли все равно неслись и грызли, так часто нежеланные.

– Я поняла, что имел ввиду Ретт, когда говорил, что предпочтет видеть прошедшее целым, а не пытаться соединить раздробленные куски. Воспоминания уже не те с течением времени. Повторять их – значит разочаровываться.

Мира поймала себя на мысли, что уже больше вообще не хочется кому-то что-то рассказывать, доказывать и тем более пытаться понять мнение собеседника. Ее характер, выточенный под безапелляционность современности, испортился безоговорочно.

То, что когда-то было самым желанным, притерлось и замылилось перед глазами. Детская комната теперь казалась крошечной, а юношеская – темной. Больше и не хотелось плакать от невозможности поверить, что миг конечен. В кон-

це концов притерся и страх жить как прежде, уже не будучи прежней.

«Нет ничего, что я не могла бы», – мычал мозг, когда Мира вставала из-за столика, не смотря на Тима.

Сжать зубы и шагать дальше в неуютный свет питерского лета, с прежней дрожью ожидая сообщения от Вари и перед собой же делая вид, что не в этом главная радость дня.

Темная глубь спущенных штор, в которой Арсений так вольготно чувствовал себя, начала играть с ним злую шутку. Он подолгу сидел, зажав лицо руками, в плену каких-то странных видений, не снов, не воспоминаний... Чего-то совершенно иного, нового и пугающего. Еще более пугающего, чем эта лохматая девчонка, вторгнувшаяся в его дом и установившая в нем странные обычаи.

Если бы только все они сплелись. В разные стороны торчали бы ступни, локти. Теплота тел окутала бы. Не так, когда он только наблюдал за ними издали. Вернулось бы пошатнувшееся чувство собственной важности, первичности, главенства. Эти две женщины, и особенно несносная Мира, должны принадлежать ему. Варю-то он щадил, потому что она не так скалила зубы в ответ на его непреложные изречения. О Варе хотелось заботиться, как мать должна была заботиться о нем. Миру же он любил как женское составляющее собственного эго, как девочку-сорванца. В ее четком уме нет ничего женственного. Как бы освободиться от пугающей и беспомощной тяги к ней... тяги на самом-то деле к жеманным молодым людям, на которых она так смахивает с этими ее жилистыми руками.

Как и должно быть, восторжествует гармоничный порядок. Отзывчивые, податливые, они отплатят ему за дни от-

верженности и уходов от него в поля с возвращением после полуночи. Внутри них бродят уродливые вариации отношений и симпатий. Он вытравит это из их черти чем набитых голов. Его дом. Его жена и любовница, между которыми должны быть не собственные закрытые от него отношения, а вражда, ревность и потребность жить в мире и согласии ради него. Как у Буниных, а не у Анаис Нин.

Что они делали, когда он не видел их? Мира клала Варю на спину и добиралась до изнанки ее бедер? Лучше бы она торжествовала над ним, но уже не ментально.

Варя... Почему он так явно отринул ее тело в начале, плеясь духовной связью, которой никак бы не помешала физическая? Чего он боялся? Христианство не довлело над ним уже давно, неужели же оно въелось в сами заготовки рефлексов? Почему он мог как угодно извращаться с павшими женщинами, но не способен был притронуться к этой туманной богине? Боялся осквернить ее и далее созерцать этот распад во всем его ужасе? Боялся осквернить ее собой... Боялся холодности. И своей и ее.

Изнасиловать бы обеих. Да страшно... На это тоже нужна своя больная и бесчувственная решимость.

Ужас при мысли об оскопленном человеке, родившемся неполноценным, вновь заполонил разум при воспоминании об обнаженной женщине. Словно и ему это может передаться и запятнать. Лучше вообще к ним не прикасаться.

Даже если появится ребенок, он будет двух женщин. Они

отнимут его, как всегда делают, изгоняя мужчин и устанавливая в доме безраздельный матриархат. Чертовы ведьмы. Все, что им нужно, это семья. С остальным они великолепно справляются сами, хоть и ноют на каждом шагу. Захватывают исконную власть, единственную, которую у них не оспаривали тысячелетиями.

Если бы только Варя была более мужественной, надевала пиджаки, которые так идут ей... идеальная кожа, тонкие кости... Если бы только совладать с ее непоколебимой женственностью, парализующей током. Что внутри этих недр? Клыки, заклятья. Если бы только не бояться ее недоразвитости по сравнению с мужчинами. Но какие же они непокорные, не подступиться... Прямо как внушающая чувство бессилия и изматывающего соблазна мать.

«Люди боятся того, чего не понимают. ГМО, гомосексуальность, загробную жизнь», – те слова Миры врезались в мозг.

– Молодость – это когда ты днем страдаешь от любви, а вечером скачешь есть мороженое с подругами.

Варя блаженно засмеялась, откинув голову, отчего короткие вьющиеся пряди окунулись дальше плеч. Мира завороченно смотрела на нее. Ее охватила блаженная полнота существования – божественный коктейль из молодости, солнца, летнего дня и желанного существа рядом. На лица им спускались тени низкотонных листьев северного лета. Стены окружающих домов на короткий миг погружали в холодок мрака.

Откуда она взялась, эта изумрудная девочка со сталью и гордостью в пологих глазах? Не бывает у людей, не прошедших через суровые уроки жизни, такой осмысленности. На блюде подаются только готовые шаблоны семьи, государства и мышления.

Расступающееся утро погрязло во влаге равнинной теплоты. Уездные домики невесть из какой человеконенавистнической эпохи пахивали подгнившим деревом. Какая-то окутывающая благоденствием, а вслед за ним непомерной скукой и тупиком жизнь. Из которой, как Чехову, хотелось вырваться, чтобы затем вспоминать ее безмятежность.

Мира без страха быть растоптанной говорила, воодушевляясь тем, как ее слушала Варя – одобрительно кивая, клоня

голову на бок. Она производила впечатление одновременной силы и хрупкости. Как раз того, что так вдохновляло Миру раньше, когда она только вступала в мир и запоем читала романы о пышных кринолинах и изуродованных судьбах. В однородных людях проклевывалось только что-то плоское и до омерзения обобщенное. А Варя была шкатулкой, набитой украшениями разных лет, форм и градаций. Единственной, кто делал Миру лучше. И все же порой начинало казаться, что Варя – лишь улучшенная версия ее самой.

– «Жизнь может быть прекрасна, если знаешь, что с ней делать», – сказала Грета Гарбо. Почему же я чувствую такую усталость и неоправданность надежд, хоть век насыщенный? Так не хватает солнца... И остальные завидуют мне только потому, что я была на концерте Evanescence. А то, что я с ума схожу, похороненная на зиму едва ли не на Полярном круге, в расчет не берется.

Варю будоражил безапелляционный тон Миры, светящаяся от отсутствия меланина кожа и как будто смущенные манеры от опасения показаться непривлекательной.

– И умные девочки беззащитны. А мне не хватало твоей силы.

Мира возвышалась в собственных глазах за счет полета в зеркале другого. Потому она изнывала, чтобы поймать фразы вроде этой. До встречи с Варей Мира не верила, что кому-то может быть не плевать на других. Варя, в отличие от нее самой, не упивалась своим ущербным безразличием к

живым людям.

– Любая сила иллюзорна и зиждется лишь на договоренности социума. Все мы сильны, пока нас не избил на допросе.

– Ты сильная, не я, – повторила Варя.

– Ошибаешься, – отвечала Мира с напускным благодушием. – Сила тяжела, но слабость несет еще больший груз. Жизнь в принципе невыносима. Вы думали, что я хотела закончить с собой... Но более жизнелюбивого человека вам не найти. Беру от жизни то, что она мне предлагает. Слишком контрастен пример матери, которая вовремя не схватила. Я молода, и долго буду молодой. Лучше бы всю жизнь. Чтобы растянуть этот осязаемый экстаз, смакование каждой молекулы...

– Это ты сейчас так думаешь. А тогда тебя затуманил миг, наитие. Я прекрасно понимаю это...

– Нет, Варя. Я играю в жизнь. Но, даже играя, я от нее не откажусь. Слишком она фундаментальна. Особенно после того, как я своими глазами видела, что моя бабушка, лежавшая в реанимации два месяца, оправилась. Преодолела себя и цеплялась иссохшей рукой за край стула, чтобы подняться и пойти. Это торжество человеческого духа. И тогда я поняла, насколько смехотворны мои жалобы. Особенно на отсутствие времени. У нее времени вообще могло не остаться. И, тем не менее, она вставала и неуклюже шла по комнате. Чтобы продлить расплавленную боль бытия. Нам ничего не

остаётся кроме как выживать. Этим были заняты все наши предки, начиная от одноклеточных.

– Да... – блаженно протянула Варя. – И при этом все мы наркоманы в чем-то. Семье, закатах... Фанатизме.

– Проще говоря, зависимые от эмоций обладания или поиска.

– Да...

– Знаешь, меня периодически затопляет тяжелое чувство, что то и те, кто составляет жизнь, уже безжизненны. А нового нет или оно не так цепляет. Что сила и солнце остались в прошлом, а впереди лишь изможденность и отсутствие смысла. Но именно в середине сумрака затяжной зимы, в какой-то из беспросветных вечеров разгорается цепляющая и неиссякаемая жажда всплыть, дотянуть. Потому что впереди еще столько прекрасных лет, впечатлений и дум. И люди вокруг несмотря на все с ними терки прекрасны, нетипичны и вдохновляющи. И смотришь на них иначе после какого-нибудь скользящего разговора в плохо освещенном баре.

– А зачем вообще жить, если не получаешь желаемого и треплешься в собственной хронической усталости? – странно спросила Варя.

– Потому что за спадом всегда наступает весна, – уверенно отозвалась Мира. – Сладкая сонливость марта. Все еще ледяного и обманывающего своим высоким небом. Есть люди, без которых бы ничего не было... Созидатели, вытягиваю-

щие все на горбу.

Мира замолкла. Молодость... мчаться по выдраенным комнатам в продуваемость окон, навстречу статичной воде апреля и голубеющему небу с последом северного сияния. Мчаться не куда-то, а под бутоны набухающих почек, в наслаждение, закрепленное симфоник-металлом. Благоденствие просто от того, что ты есть. Нет ничего бесконечнее этого ощущения.

Варя задумалась о том, как тяжело порой соответствовать завышенным ожиданиям Мира. Ее утомляло, что Мира, как маятник, бросается от одно полюса к другому.

– Не люблю, когда меланхоликов изображают как Ослика Иа, – поморщилась Варя, меняя тему. – Меланхолики видят мир во всей его трагичности, до дна. Подлинным, а не исковерканным дешевым позитивом. Те, кто, если хочешь, видит лучше в силу каких-то внутренних причин.

– Стоит ли скатываться опять? – с сомнением спросила Мира.

– Я лишь констатирую реальность.

– Пессимисты так и говорят...

– Если начинаешь задумываться о происходящем, счастье вывертривается. У каждого же что-то да болит. Только выходишь из детства – и обрушивается на тебя. Видишь нищих на замызганных тротуарах.

– А мне не нравилось быть ребенком. Все мной командовали. Если небольшие трудности – цена за независимость,

я готова. Когда я только встретила тебя, я думала, что ты слишком пессимистична. И, хоть я и согласна с тобой во многом... Есть что-то неискоренимое в самой моей природе, что так и кричит, как ты ошибаешься.

Обе замолчали. Затем Мира спросила:

– Я тебе хочу задать вопрос, который так любил Достоевский и который всегда так веселил меня – ты в бога вообще веришь? Он расписывал этим целые главы, но так ни в чем ни меня, ни, должно быть, себя не убедил.

– Самое страшное в этом вопросе то, что спустя столько тысячелетий мы до сих пор бессильны перед фундаментальными вопросами бытия. Как будто мы топчемся по кругу, улучшая лишь водопровод и стоматологическое обслуживание. Ты и я можем верить во что нам нравится. Но это вовсе не означает правдивость наших взглядов.

– Я не хотела говорить тебе, – в волнении и смирении, что все же открывает рот, изрекала Варя немного погодя, – но у меня был ребенок.

Мира почувствовала жар. Она молчала, ожидая, что Варя закончит сама.

– Я и из дома уехала из-за этого.

– Ребенок... погиб? – осторожно спросила Мира, не дождавшись дальнейшего монолога.

– Нет. Вполне здоров.

Они встретились как блестящие, благополучные. Нимфы в длинный платьях и джинсовых жилетках, отхватившие последние теплые дни года. А оказались с раковыми потемнениями на рентгеновском снимке.

– Женщина может любить ребенка нелюбимого мужчины как отдушину. Надо же кого-то любить. А у меня вышло наоборот – безразличие к ребенку от мужчины, которого, как мне казалось, я любила.

Варя говорила, и редкостная красота ее осознанности вытеснялась чем-то более земным, прозаичным. Но это делало ее ближе – образ проступал четче. А ведь до сих пор выходило у нее все так изящно, что порой хотелось расцарапать ей лицо.

Варвара вскинула головой со спутавшимися кудряшками.

Неприятный румянец пятнами инфицировал ее шею. Внутри горело яростное нежелание вновь заполнять разум тем, что тот так долго из себя изгонял. И в то же время облегченно раскрыть рот, сбросить, наконец, этот груз, разбавить его на двоих...

Желание то сохранить ребенка, то удалить эмбрион грызло Варю всю беременность. Впереди вертелись лишь неутешительные умозаключения о дальнейшей жизни на смешные декретные и закономерный вопрос, не сгниют ли к совершеннолетию ребенка и так дышащие на ладан социальные институты.

И Варя нашла в себе смелость совершить то, о чем втайне мечтают некоторые молодые матери. Она закрыла дверь перед заплакавшим малолетним сыном, не в силах больше выносить его и проступающую себя в нем. Подняла с пола тяжеленую сумку, повертела ключ в замке и ускакала. Поменяла работу, адрес, отсекала друзей. Лишь с матерью остались молчащие разговоры в темноте, после которых Варя забиралась на спинку дивана и пялилась на трассу, страшась, что все отмерло. Но с каждым днем она вспоминала прежние силы, счастье простого познания мелочей бытия. Отращивала заново желание волочить ноги. Величайшей ложью ее жизни оказалось счастье материнства.

Сюрреалистичной чередой восставали воспоминания о том, как лишенное разума существо полностью зависело от ее воли, пило из нее сок, само того не понимая. Клетка по-

среди мегаполиса ознаменовалась эшафотом детской кровати. А муж осточертел, приходя домой с перекошенным лицом, будто и жена и ребенок помешали его наполеоновским планам. Он игнорировал ужас в ее заспанных глазах с кругами под ними. Брал на руки сына, целовал его в макушку и, выполнив отцовский долг, отправлялся к компьютерному столу. А Варя порывалась закричать, что днем она вместе с несмолкающим сыном едва не выбросилась в окно.

Все стерлось, растопталось... Влюбленность в мужа, планы на будущее, надежды. Но вместо крика она выпускала из себя только беззвучный воздух и начинала задыхаться. Варя будто заразилась каким-то вирусом тишины и невидимости – тысячелетним женским проклятьем. В ней цвела ненависть ко всем ветвям собственной семьи, оставившей ее расплачиваться с этим в одиночку, хотя они-то громче всех и кричали о необходимости наследника. Помощь она уже не просила – не хотелось в ответ слышать, что надо было думать раньше. Откуда она могла знать?.. Никто из них не раскрыл правду.

Варя не чувствовала удовлетворения от повторяющегося обслуживания младенца, не чувствовала гордости. Чувствовала только бессилие и постоянное чувство вины за то, что не испытывала столько любви, сколько должна судя по полотнам Ренессанса. А еще истовое желание вернуть все как было и поступить иначе, не поддаваясь на уговоры мужа, жизнь и тело которого не изменились вовсе. И страх. За ребенка, за себя, за то, что так, застопоренная, и кончится жизнь. И

больше всего – жажду уйти из дома хотя бы с утра до сумерек, не думая о режиме, о грудном молоке, бутылочках, памперсах, сосках и снеках.

И все же хуже всего было то, как мальчик походил на нее. Разве он мог вырасти в счастливца с таким генетическим грузом?

– Женщина не предназначена для долгой любви к мужчине, – заключила Варя. – На каком-то этапе хочется уничтожить его, раздавить, как бы в противовес тому, что она создала. И спустить в унитаз его ребенка. Потому что мы давно не животные и не живем исключительно инстинктами. Желание рожать – это трансформировавшийся страх одиночества, смерти. А как быть тем, кто не боится смерти?.. Спроси у многих женщин, почему они хотят стать матерями? Они начнут врать, что это их безраздельное желание, в лучшем случае – что это их предназначение. Но по сути они просто боятся не выполнить главнейшую социальную и биологическую роль. Боятся постареть и безвестно кануть в землю. Они не хотят подарить кому-то жизнь, не испытывают тонны нежности к кому-то, кого даже еще нет. Они лишь мечтают о кукле, которая забьет гигантскую дыру в их жизни и обесмертит их. А выходит еще один несчастный человек. Думаешь, откуда столько садистов в мире? Отсутствие видимых волнений – за это ратуют любительницы деградировать дома. Чтобы их оградили, задавили и задушили, имитируя заботу. За беззаботной жизнью под крылышком частенько за-

прятано злоупотребление властью, как только женщина оказывается особенно уязвимой и чувствительной. Долгие браки – извращение, заставившее женщин терпеть и подавлять свою звериную сущность в угоду социуму. Кто-то из двоих должен быть терпелив, чтобы на его плечах держалось все дерьмо. И почти всегда это женщина – отнюдь не по осознанному желанию.

Мира почти впервые захотела возразить. Но потом новая мысль ослепила ее.

– Но ты же...

– Что?

– Снова... беременна.

Варя неотрывно смотрела на Миру без всякого удовольствия.

– Кто сказал тебе?

– Арсений.

Варя пораженно продолжала смотреть на нее.

– Милая, я не могу быть беременна, – отозвалась она, немного погодя и выдыхая. – Между мной и Арсением не было ничего, кроме разговоров.

Арсений в силу каких-то туманных идей так и не решился переступить с Варей грань между зыбкостью платонического и страшщей бездной в глубине женского тела.

Он пытался убедить Варю, что таким образом уважает ее. И она даже верила, хоть с каждым днем сложившаяся ситуация все больше внушала ей неуверенность и неприятные вопросы без ответа.

Арсений прилежно доказывал всем, что нежно заботится о Варе и превозносит ее. Но она смутно ощущала, что он ищет лишь зеркало, в котором будет выгодно отражаться. Его толкала вперед потребность прикоснуться к лучшему себе, но все же себе, а не другому в обличье женщины. Спаситель, отвлекший от трагедии материнства, любил ее, но будто как женское составляющее собственного эго.

Арсению донельзя противно было видеть в Варе живую женщину со своими неискоренимыми физиологическими процессами, вросшими в ее плоть. Он был твердо убежден в инфантилизме и грязи проявлений женственности. Но как порой хотелось и самому уподобиться этим изящным и недоступным существам...

Шуршали через колючую засохшую траву по колено. Вблизи низились домики, разверзались холмы. Холодом тьмы наползала вечерняя дымка, пробуждая в дебрях подсознания что-то далекое и безмерно родное. Быть может, раннее детство на этих травяных просторах. А может, то, что было перед жизнью.

Арсений обнял Миру. Она почувствовала такой желанный и так давно ожидаемый прилив нужности к кому-то, заботы... На мгновение Мира даже поверила, что ее окутало чувство защищенности – самое лживое чувство безопасности.

Удивительно было, что Варя не собиралась мстить ему.

Арсений расцепил объятия. Всклобоченная Мира рассеянно смотрела на него. Обнимал ее большой красивый мужчина. Типичное изматывающее влечение... Что было в этих объятиях основополагающим – не вытесненное сексуальное желание, потребность обрести второго отца, отобрать кусочек блестящей жизни Вари или насолить этой самой Варе, недосыгаемой, ранимой, всеобъемлющей и ранящей?

Мальчишка и мужчина... каждый был дорог по-своему. Но мальчишка не выдержал ответственности, а мужчина ей кичился.

– Ты избалована, – с нахальной констатацией продолжал

Арсений. – Вообразила, что можешь играть в идеи психов прошлого с живыми людьми. С нами, черт возьми! Мы – не де Бовуар с Сартром, нам не нужны союзы с пятыми и десятymi. Нам хорошо и без тебя.

Мира не обиделась. Обидеть ее могла только Варя. Арсений же был просто олицетворением стихийного мужского начала, манящего своей неисследованностью, отличием от нее.

– Некоторые как-то генетически помнят ужас темных веков и будто жаждут им вновь вымазаться.

Мира начала расчесывать руки до розоватых вздутий на поджаренной коже. Буйство пейзажа больше не искупляло. Зимой казалось, что, стоит только наступить недостижимому лету, и задышится легче... Но и лето в свою очередь приносило печаль итогов, только более эстетически выверенную.

– Ты никогда не понимал, что мы с ней значим друг для друга.

– В итоге вы объединились против меня.

– Хоть как-то же мы должны себя защищать.

Арсений молчал. Мире нравилось думать, что она убедила его, потому что сама далеко не была уверена в собственной правоте.

– Твое восприятие, где ты король, самый умный и привлекательный, пошатнулось, не правда ли? А Варя нужна тебе лишь потому, что ты не смог при всей ее сговорчивости высосать из нее весь ресурс и себя оставить победителем.

Арсений молчал. Его напряженная шея пошатнула уверенность Миры, в которой она сама старалась убедить себя.

– Ты начиталась каких-то мнений, которые понравились тебе, потому что возвысили в твоих глазах твой пол. А, значит, и тебя... И теперь бравируешь этой ерундой, чтобы за чем-то добить меня.

– Ну, мужчины же на протяжении всей истории только и делали то же самое.

– Да прекрати ты, в самом деле! Сколько можно говорить об этом?! Ты приехала, чтобы порассуждать о феминизме?!

– Конечно, – усмехнулась Мира, – зачем о нем рассуждать, если это разговоры о неудобном? Если ты не можешь что-то объяснить, влезть в шкуру живых людей с другими проблемами, не надо орать, что этих проблем не существует. Это просто подло.

Такая беззащитная и тоненькая... и сколько скрыто было за этой обманчиво матовой оболочкой! Арсений поймал себя на неприятной мысли, что объект, услада для глаз, вышел из-под контроля. Что, как бы он ни старался, не сумеет проникнуть ей в голову, вклиниться в странные отношения, зародившиеся между Мирой и Варей.

Мира все ждала, когда он вновь коснется темы с абортom Вари. Но он, будто что-то почуяв, молчал.

Неужели он и правда выдумал для Вари какую-то фейковую беременность, чтобы возвысить себя до уровня отца семейства? Роли, которой он опасался, страшась не выдержать ответственности, но которая оправдала бы его запросы и самомнение в полной мере. Или он соображал вовсе не затуманено... А ее, Миру, хотел тем самым отвадить от их дома? Надеялся, что она психанет и исчезнет...

– Я прекрасно знаю, что нет и не было никакого ребенка, – испытывая стыд за него, вовсе не злорадно произнес-

ла Мира. – Ты думал, Варя мне не расскажет впечатляющие подробности вашей связи?

– Замолчи.

– На что ты вообще рассчитывал? Что я не спрошу у нее?

– Замолчи!!!

– Ты думал, что я поверю, будто она из-за меня сделала аборт? Из-за каких-то там моих слов сто лет назад?

Арсений насупленно молчал.

– Манипулировать чувством вины тоже надо уметь...

– Плевать.

– Зачем унижать одних женщин, чтобы возвысить других?

– Потому что вы или шлюхи, или девственницы.

Мира не сразу нашла, чем дать отпор, а мгновение стояла, вылупив глаза.

– Что, мамочка не долюбила?

Увидев, как потускнел Арсений, Мира удивилась, насколько тривиальные выводы, взятые по самоучителю психологии, раз за разом оправдываются.

Арсений боялся, что в среде мужчин его расколют, изнасилуют, подчинят себе, поэтому предпочитал общество женщин, сохраняя к ним все предубеждение избранного пола и тайком ненавидя себя за то, что добровольно уподобляет себя им, отщепенцам истории. А холодная Варя сводила с ума своей статичностью, будто мстя всему мужскому племени.

Почему-то именно сейчас Мира припомнила старое изречение, что бисексуальность – воспоминание о первоначаль-

ной свободе выбора. Свободе, к которой Мира рвалась всю свою осознанную жизнь и поползновения на которую так яростно отвергала у самого края.

– Я столько времени пыталась вылечить себя... Но нужно ли мне это? – осторожно и как всегда тихо спросила Варя.

Глаза Миры затуманились. Она ведь тоже долго лечила себя от мозогинии, низкой самооценки, зависимости от мнения других... Порой ей казалось, что теперь она черствая и непримиримая, как старуха, и цена оказалась чрезмерно высока. Все делала как должно, как надо... Скучая по времени, когда царапала спину собственному брату, пока он не решил сыграть в одурманенную невинность.

– Нужно. Или ты живешь для потехи других или для собственного удовольствия. Чтобы быть счастливым, нужно быть здоровым.

Варя опустила глаза в сопротивляющемся согласии.

– Не думаю, что женщина, бросившая собственного ребенка, здорова. Все говорили – родишь и поймешь, но я не поняла. Во мне не случилось этого пресловутого гормонального всплеска. Мне принесли чужеродное существо, которое тянуло меня на дно. Беспомощное, нелепое, полностью зависимое от меня. Я прежде не верила, считала, что только дурные женщины способны не любить своих детей. И сама оказалась дурной. Какого это – воображать себя безупречной, самой доброй и понимающей, способной расплыть повсюду любовь... И так попасться на собственное бахвальство.

И в родительстве мало кристальных чувств, сплошное злоупотребление властью. Я смотрела на сына и думала, как его воспитывать... Но какое я имею право что-то кому-то внушать? Называют родительской любовью, а выходит подавление... Не бывает так, что родители просто любят, даже если считают именно так. В любом случае дети за что-то будут обижены на них. И в любом случае родители потребуют расплаты. Эдакого обратного жертвоприношения.

Мира странно смотрела на Варю. Ей ли, маниакально выживающей из себя девиации, что-то отвечать на это? И Мира поступила своим излюбленным манером – отстраненно промолчала.

Варя словно ставила перед Мирой зеркало и помогала найти не только отражение, но и дальнейший путь, необходимость которого Мира и сама прекрасно понимала. Подталкивая Мирины иллюзии до состояния цели, Варя продолжила выход во внешний мир, который дал Мире Питер. Но способна ли она, Мира, сделать для подруги то же самое? Так же поставить зеркало и способствовать наведению порядка в ее голове? Мира вздохнула – она не чувствовала в себе сил, не смела... Проклятая трусость, проклятая отстраненность!

Со временем Мира все больше стала походить на отца в раздражительности и нелюбви к помехам. Мире льстила эта параллель, хотя она и признавала, что мать одарила ее своим избегающим нутром. Остальное лишь нарастало на кости. А сердцевина – то, как обе взирали на мир, хоть и видели про-

тивоположное, роднило их куда больше полуночных разговоров и одинаковой фигуры. Мира была груба и угрюма, но ей впервые за всю жизнь, наполненную нелепыми страхами и кровавым притиранием к людям, так и оставшимся чужими, стало плевать на остальных. Это не нравилось Мире, она видела в этом начало пути к деменции. Но освобождение было слишком сладостно, чтобы повернуть все вспять. И что же... неужели это освобождение разрушит то прекрасное, что она обрела с Варей?.. Стоит ли оно того?

– Почему это тогда так занимало меня? Каждое чье-то слово, каждый взгляд... Вот почему я боялась, что и ты уплывешь от меня, – заключила Мира, не смущаясь, что подводящие мысли об этом были прокручены только в ее голове.

– Я? – запоздало удивилась Варя.

– Да. Когда ты сбавляла темп.

– Так ведь и у меня бывали свои дела, – с нежной улыбкой отозвалась Варя. – И у тех бывших твоих друзей они были.

Мира внимательно всмотрелась в ненаглядное лицо, ища там следы осуждения.

– А ты слишком много ищешь доказательств охлаждения к тебе.

– Это результат эгоцентричности.

– Мне бы это не повредило. Полезная черта, – с неподвижной задумчивостью ответила Варя.

– Хоть ты и жалеешь всех сирых и убогих.

– Широта взглядов характеризует мыслящего, – лукаво произнесла Варя.

– Впрочем, «я» входит в понятие «все».

Варя улыбнулась.

– Арсений бы поспорил с тобой.

– Да. Чертов приверженец приоритета социума над личностью, не следующий собственным заповедям. А у нас в го-

ловах ничего не меняется веками. . . шаг вперед и два назад.

– Арсений – человек, бродящий в тумане и будто ищущий конца. Может, этим мы и подошли друг другу. Попытались исцелить друг друга от внутренних царапин.

Мира вздрогнула – Варя редко говорила об Арсении.

А лишь несколько месяцев назад Арсений, умиротворенный безбурной улыбкой, расслабленно отзывался на ее стелания.

Почему-то именно к этому человеку тянуло тогда тоже. Просто прийти. Как к духовнику из недоговаривающе-идеалистических рассказов заплутавших душ.

Лежала Мира на животе в длинной юбке перед ним, неприкрытая. Быть может, думая о том, каково было бы испытать роль защищенной жены взрослого мужчины, а не кривляющегося мальчика вроде Тима. Ее выточенные плечи переходили в удобу рук под обрамлением коротких рукавов. Арсений добродушно оглядывал ее сверху-вниз и в чем-то убеждал, отринув напрашивающийся подтекст подобных встреч. Красноречиво отстаивать свои взгляды, какими бы изогнутыми они ни были, все значимые для нее мужчины были горазды. И неожиданно приятны оказались отношения, лишенные обузы интимности.

– Один всего? – спрашивал он своим иронично-надтреснутым голосом, в котором Мира угадывала удивление и какую-то жалостливую заботу.

– Некоторые не влюбляются вовсе, – отвечала Мира, по-

терянно рассматривая собственные ногти и будто мечтая исчезнуть и одновременно быть понятой и одобренной.

Арсений задумался, как будто жалея о чем-то.

Миру тогда охватила изматывающая тяга вновь вообразить тысячу раз взвешенное и запрещенное себе. Как она приподнимется и медленно проведет пальцем по его губам. Затем обратной стороной ладони по щекам со слегка отросшими волосами. А Арсений сменит свой обычный взгляд всепрощения и расслабленности на что-нибудь неизведанное... Но существовало ли вообще это чувство, которому не хватило запала и обоюдного желания обратиться в страсть?

– Для женщины семья все равно важнее всего. Вот вы и не можете найти себе место в мире, – отчеканил Арсений вновь в невесть как наступившем настоящем.

Мира скривила рот.

– Ты по сторонам смотрел или на сериалы по федеральным каналам? Кто из современных женщин живет лишь семьей? Так не было, даже когда вы нам отрезали пути ко всему остальному. Даже тогда женщины плели кружева, торговали на ярмарках.

– Я знаю, как ты любишь разглагольствовать.

Мира раздраженно смолкла, забыв произнесенную фразу. Ее взгляд покрылся безжизненностью северного льда.

– Ну, я хотя бы не насиую женщин за деньги.

Вот оно, сказала. То, что подтачивало, изливалось желчью.

Арсений напрягся. Мира смотрела на него со странной смесью омерзения и пустоты на месте когда-то развивающихся уважения, симпатии и ревности.

– Что молчишь?

– Манипуляция чувством вины... как это старо.

– Не нравится, когда всплывают наружу мерзкие подробности, которые не укладываются в образ? То-то вы кудахтаете против скандинавской модели.

– Отнюдь.

– А, ты гордишься. Ведь эксплуатация раба заставляет себя чувствовать хозяином жизни.

– Это их осознанный выбор, – резанул он.

Мира прыснула. Опасения за Арсения и потребность объясниться, которые и толкнули ее приехать сюда, изжили себя в ее душе. Он стал попросту жалок. Он ведь не смог доказать сам себе, что кому-то нужен не за деньги.

– А потом еще можно начать говорить, что бедные сами хотят такой участи, – Мира начала задыхаться. – Как рабочие в индустриализующейся Англии, как наши крепостные, проигрываемые в карты. Все презрительно кривятся на инвалидов, которые выпадают из марафона. Никто ничего никому не должен... Но ты почему-то должна всем за самые базовые права, даже за грязную воду из крана! Должна плодиться и размножаться в дань государству непонятно за что!

Арсений припомнил двоякое чувство, настаивающее его в момент вынужденной для женщины близости с человеком, которого она не выбирала. Яростное желание считать, что она пошла на это добровольно, что она испорченная и потому недостойна жалости. Как он ни пытался видеть беспринципных хищниц, оправдывая себя, печаль в их глазах, когда они фальшиво смеялись над его шутками, так и не затянула Арсения в утопичную иллюзию собственного превосходства. Но он, как и прочие, заглушал позывы совести. После женщин, которым не повезло, легче было возвести Варю на

пьедестал и не касаться ее, опасаясь обмазать собственной пахабщиной.

– У каждого есть выбор, – повторил он.

– Выбор? Выбор?! – закричала Мира. – Как ты смеешь! Ты ничего не знаешь о женщинах! Выбор между голодной смертью и проституцией?! Или выбор уехать в другую страну на работу и оказаться вместо нее в притоне?!

Он и правда не знал... Слишком слишком была отстранена от него мать, будто из-за его изначальной для нее неправильности. И он сколько угодно мог убеждать себя, что это был выбор матери что она вовсе не любила детей. Но ведь его резвого, красивого брата она любила. А вместо Арсения ждала девочку. Быть может, и после чувствовала в нем что-то такое... Мать дала ему свободу, отправившись в собственную жизнь. А он не знал, что делать с этой свободой, не понимая тех, кого душили родительские тиски.

– Зато ты их знаешь слишком хорошо, видимо.

– Я их понимаю. А ты боишься пошатнуть твое самомнение избавителя и святого. Ты будешь говорить мне, что проститкутки осознанно идут на это... И будешь лицемером.

– Ты видишь вещи только с одной стороны.

– А ты нет?! Ты хочешь думать, что нищая женщина, поставленная в безвыходное положение, мечтает о вынужденном сексе с незнакомцем! Какая-нибудь иммигрантка без образования, которую насиловал отец или которую бросила мать, прямо-таки жаждет овладеть тобой! А она не виновата

в твоих семейных драмах. Она не виновата, что ты хочешь самоутвердиться за ее счет! Я ненавижу тебя! Ненавижу!!! Когда я представляю всю эту мерзость, мне хочется покалечить тебя! Ты – олицетворение всего, из-за чего я ненавижу людей!!! Лицемер, собственник, подлец!

Она бросилась бежать по колючей соломе, образовавшейся из перелопаченной травы, дорастающей странникам до пояса за годы, когда редкий человек трогал эти места. Солнце уже лизало близлежащие холмы, трансформируя все вокруг в агонизирующую долину накануне холодеющих сумерек. Продуваемый позднелетним ветерком дом недостижимым замком возвышался над этим великолепием.

Мира бежала к чертогу, где была счастлива несколько мгновений, чтобы забрать рюкзак и больше не связываться с прошлым. От него только сердце ноет, но ничего не меняется. Варвара потеряна. Отступать некуда. Надо выдохнуть, собрать себя по кускам и найти жизнь и смысл где-нибудь в новых краях.

Желание никогда не видеть обоих боролось с сожалением, что не будет больше разговоров под аромат изысканных духов. Не будет и зыбкого ощущения приверженности к чему-то сформированному и значимому. Ощущения, важного с самого детства, когда она безмолвно бегала за старшими ребятами на их такой, казалось, большой улице, олицетворяющей весь мир.

Мира начала задыхаться, но боялась, что остановка при-

ведет к очередной сцене с Арсением. Она не могла сладить с ним. Она не могла переубедить его. Он оказался бесполезен со всех точек доступа. Чужой, упертый мужчина. Сосредоточие ее омерзения.

Мира ввалилась в дом, слыша какой – то звук... Звук знакомый, всплывший откуда-то из прошлой жизни. Ее имя, произносимое кем-то очень родным и давно уплывшим. Она развернулась и в открытом дверном проеме внизу крыльца увидела Тимофея.

Мира молча пялилась на Тима. Он улыбался, говорил что-то, что заглушал стук в ее ушах. И смотрел, а она ждала действия от него. Но он просто взирал на нее, будто призывая к шабашу своим наивно-искушенным видом. Ведь именно так он и склонил ее к падению поворотом глаз с впрыснутой в них зеленеющей памятью эволюции.

– Знаешь, я наговорил тебе тогда... Я просто искал несуществующие причины очернить тебя. Чтобы не так было больно рвать, – разобрала Мира слова, которые так кстати пришлось бы дождливым днем всего год назад.

Зачем он здесь, этот возвышенный мальчик с каким-то мечтательным, невзирая на живость, лицом? Не ведающий порока и отчаяния, живущих в сердцах их омерзительного трио.

Мира не могла спокойно смотреть в эти безукоризненные глаза мятного цвета. Она сразу вспоминала непреодолимую силу, которая, столкнув в свистопляске ревущего лета, позже заставила их дышать кожей друг друга в маленьком номере на берегу Средиземного моря. Горы там рассеивающимися замками восставали в серпантине дорог. От воспоминаний об этом по внутренней стороне ее коленей пробежала дрожь. В душе вновь начинало клокотать от чудовищной несправедливости прошедшего, от бешенства, что все вдруг

происходит не так, как хотелось избалованной дочери мягкой матери. И от того, что Тим разрушил ее легенду о себе как о недосыгаемой, которую все хотят удержать, едва коснувшись.

– Нет, ты все правильно сказал. Человека хуже меня тяжело найти. Те, кто портит детей и взрывает древние памятники, куда духовнее. К ним общество привычнее.

– Вот это моя Мира, – с улыбкой облегчения произнес Тим.

В солнечном сплетении Миры что-то болезненно пухло.

– Мы можем уехать, – добавил он серьезнее, не дождав-
шись ее реакции. – Детей ты никогда не хотела.

Он двинулся к ней. Мира отпрянула.

– Ты что хочешь? – прошептала она, с трудом борясь с бешенством. – Ты вернуться хочешь? Сейчас? Зачем? Ты переосмыслил?.. Или это блажь просто?

Воспользовавшись его замешательством, она заорала:

– Ты не можешь так поступать с людьми! Исчезать, а потом триумфально возвращаться!

– Мир не крутится вокруг тебя, – со слегка натужным спокойствием отозвался Тим, склоняя голову на бок.

– Зачем мне спутник, который так считает?

– Ты сама говорила, что у человека должны быть интересы помимо любви.

– У нас дело не в моей значимости, а в твоём страхе огласки. И с этим смириться невозможно. А теперь ты почему-то

передумал. Наверное, увидел, что я не загнулась без тебя. И ждешь, что я кинусь к тебе, как к избавителю. Но этому не бывать.

– Мира, сказки о любви либо врут, либо скверно заканчиваются.

– Я никогда сказкам о любви не верила.

– Мира...

– Я тебя не простила! – закричала Мира. – Да даже если бы и простила, все равно! Что сделано – не воротишь! Ущерб нанесен.

Без слов больше Мира вскочила на лестницу и через несколько ступенек взлетела наверх. Дрожа, она со всей силы захлопнула дверь, слыша, как Тим начал подниматься и недоуменно увещевать ее. Эта его растерянность вперемешку с навязчивостью всегда раздражала.

«Я всех вас ненавижу. Вы пьете мою кровь», – проноси-лась в ее голове. Впопыхах Мира схватила рюкзак и бро-силась к балкону. Перелезла, спрыгнула и, выбивая кедами пыль, бросилась бежать по участку. Затем, перемахнув через забор, к мелководной речушке, больше походящей на раз-добревший ручей. Ее не покидал страх, что кто-то из муж-чин окликнет или догонит ее. Но волнами били лишь зву-ки тишины и редкие перекаты птичьего голоса. Мира взо-бралась на мостик через низенькую речушку, ловко пере-бирая ничем не стесненными ногами. Жаль только велоси-пед... надо потом за ним вернуться. Сучья вездесущих дере-вьев царапали открытую лету кожу. Никак не желающее по-тухнуть солнце разорванной тенью верхних ветвей ласкало лицо. Впереди во всем своем золотом великолепии восста-вало поле безбрежной пшеницы. Мира остановилась, в вос-хищении впитывая Венециановские цвета.

Не быть ей ни вместе с Варей, ни рядом с Тимофеем. Утерается вспышка вдохновения, следующая за столкнове-нием с чьей-то особостью. Разбитая гавань, где бежевые сте-ны и золотистый свет. Не насытиться там больше музыкой наполненных кофеином вен. Никогда не получать желаемо-го... Так и выходит, что прошлое и будущее равны в своей эфемерности.

Не существует жертвенной любви. Все они делали что-то значительное только для себя – для успокоения своей совести или потакания слабости. А если постоянно отказываться от чего-то, утягивать пояс, ждать, рано или поздно уже ненужным окажется счастье.

Все, что было у Мирославы, это ее безграничное сознание. Бесценный дар вселенной. И как этого хватало... Время отметало мишуру прочь, предварительно ошкрябав сознание обнаженным клинком реальности. Преступны казались теперь рассказы о чужих судьбах, поданные с нарочитым упрощением непознаваемости мотивов, реакций и пережитого. Чужие рассказы о других скакали по верхам и раскрывали лишь скелет фактов, но никак не глубинные гейзеры внутренних людских противоречий. Вот для чего нужна была жизнь на самом деле – прочувствовать, передумать все до малейших песчинок. Изведать лопающееся ощущение бытия с едкой примесью отторжения. Захватывающую и заливающую иллюзию полноты.

Мира с трудом разодрала глаза. Пахло спертым воздухом. Между этими хлопающими дверьми, балконами и побегами бесконечно болезненной эрой распят был целый вечер.

Почему так пересохло горло? В каком-то дурмане совершенного, которое не хочется вспоминать, но которое отдастся щенячьей радостью в подреберье, она приподнялась на локтях.

Арсений остановившимся взглядом взирал на потолок. В голове его, должно быть, те же туман и вакханалия пережитого.

Утонуть в безбрежном поле было бы ее концом в какой-нибудь светлой книге. Но она вернулась еще до наступления сумерек. Просто потому, что дом сулил бурю, а буря уничтожала статичность, которую Мира генерировала, но страшилась.

Накатившая полнота жизни, момента, этой ссоры и прикуса недавней пиццы во рту вновь с разрушающе восхитительной силой впрыснулись Мире в разум.

– Ты лишила меня Вари, а теперь хочешь лишить себя? – орал Арсений с воспаленными глазами, метаясь по комнате и сваливая на пол одеяла и обнажая ей ноги. – Не выйдет!

– Да кто ты такой? – трясясь, кричала Мира в ответ. – Я не нужна тебе!

– Вы с братом – одна паршивая порода...

– Да как ты смеешь! – заорал Тим, до этого бездеятельно стоящий в углу.

И Мира вновь залюбовалась каштановыми перегибами волос и восточным очертанием щетины.

– Сраный собственник, – огрызнулся Арсений. – А вы еще делаете вид, что свободны от гнета религии.

– Лучше заткнись.

– Если любовь разделить между несколькими людьми, ее меньше не станет, – сузив глаза, пропел Арсений, упоительный в своих отросших волосах, отходящих от щек к ушам. – Это не число.

Неожиданно Мира поняла, что он имел ввиду и почему ворвался за ними вслед по проклятой деревянной лестнице. Именно то, о чем она сама мечтала столько месяцев – древняя оргия, слияние духа и плоти нескольких живых. Полиамория, вызывающая лютую зависть у запакованных моногамией. Но еще более недолговечная.

Мира застыла. Хотел ли Арсений унижить ее или воздать должное ее свободе выбирать больше одного скучного партнера? Или здесь был некий элемент привлекательности Тима не для нее одной? Так или иначе, для нее проскользнуло больше настораживающего, чем лестного. Одно дело – прокручивать разные исходы их повязанности, и совсем иное – жить с совершенным, опасаясь то реванша за смещение фокуса на одного, то забвения от второго.

– Что вы тут творили? – ошарашенно спросил Тим, будто разгадывая в их головах надуманное, сплетенное с совершенным.

– Не только разговоры, – туманно отозвалась Мира. – Хотя их было большинство.

На выкрученной ленте злополучной лестницы Мира отвесила ему пощечину, когда он орал на нее. А он начал целовать ее, уворачиваясь от ее рук. Ее убеждения и обиды рассеялись под напором того, как он вгрызся пальцами в сгущенное золото своих волос и смотрел на нее. Выжидательно, но не побежденно.

...приблизилась к этим порочным губам, ей не принадлежащим. Взъерошила гладь льняных волос ладонью, униженной серебряными кругами колец. Мерзавец, предатель... Но роднила их общая запятнанность, и можно было не строить из себя святошу. Он не охал в ответ на высказанную ею бесчувственность ко всем маленьким и до омерзения беззащитным. Мира в благодарность смеялась над его жесткими шутками и осторожно придерживала за локоть.

Высокий мужчина доверчиво смотрел на нее снизу. До чего чистые глаза небесного цвета, а в них, как и в отражении ее, похоть. Правильный мальчик, гордость матери, вытянувшей его в одиночку, колючий и едко доказывающий собственную правоту и притязания... раздражающий прочих своей экспрессией и убежденностью. Он не мог, да и особенно не хотел жить правильно, как этого не хочет никто, лишь долбя окружающих своим видением благоденствия. Мира ненавидела его за этот идеальный вид. Хоть бы ее не обманы-

вал... одержимый оргазмом мучитель, используемый ей для разрядки. Живая мишень для утоления ее девиаций. Который должен был быть агрессором при полном ее доминировании. Который на миг становился противен в завершении. Сейчас затуманились даже брезгливые мысли о чужой микрофлоре. Пошло оно все... Все равно их клетки день ото дня подбираются к разложению.

Не просто так же пережималась трахея от удачного набора хромосом незнакомцев в парках. Если жизнь так скоротечна и изменчива, почему просто не наслаждаться редким мгновением, когда ничего, наконец, не раздражает?

Боль отторжения, сродства, повязанности... которую так тяжело прервать. Которую так сладко тянуть с этим красивым мужчиной, который не виноват в ее безумии. Уставшая женщина с больной спиной и безразличием к людским спорам... Не та девочка, которая давно, в каком-то ноябре, слушала The Rasmus, вздергивая нос к тучному небу. Всегда казалось, что ее травяные глаза и коса поперек плеча способны были обмануть других. Дрессировала себя на удобность, чтобы безвыходность существования в социуме доставляла меньше хлопот, и в какой-то мере это даже приносило полезные плоды. Но суть ее никуда от этого не улетучилась.

На миг ей захотелось, чтобы третий перечеркнул эту дрожщую неудовлетворенность друг другом. Быть зажатой между двумя мужчинами... и не делить их ни с кем. Видеть соперничество за нее, а не эгоистичное удовлетворение сво-

их потребностей. Ощутить доселе неведомую палитру...

Реактивное чувство отвращения, запретный оборотень нечистой любви захлестнули ее с головой, пока она стягивала с него футболку. Отвращение, которое она должна была испытывать к брату, но перенаправила на Арсения.

– От нас отвернется семья, – смеялся Тим, благодарно зажимая ее между своих локтей.

А у Миры сжималось сердце, что слова, небрежно произнесенные в анестезии сердцебиения, после бала уже не кажутся столь неопровержимыми.

– Я видел чистую девочку, о которой захотел заботиться, – продолжил Тим, переместив взгляд с потолка на нее.

– Вы так помешаны на чистоте, – хрюкнула Мира.

– Я имел в виду духовную.

– Не имеет значения. Даже в безматериальных мечтах вы используете избитые типы.

– Да плевать.

– На что же не плевать?

– У меня никогда не было отца. Он был у тебя. Безраздельно. Катал тебя на велосипеде и санках. Тебе не понять, как сильно я боюсь создавать собственную семью. Я просто не выдержу того же. Вдруг я тоже исчезну из жизни детей, как мой отец исчез из моей? И они будут такими же неприкаянными, изуродованными гипертрофированной материнской любовью. Тяготиться ее крестом и концом.

– У нас с тобой детей не может быть. Нечего и бояться, – отчеканила Мира, припомнив тот разговор в кафе, во время которого она открыла ему, где проводит остаток лета.

– Я не потяну детей. Детей должны рожать здоровые люди.

– Тогда человечество вымрет.

– В любом случае я стану одним из тех, кого обвиняют в эгоизме.

– То есть ты вернулся, лишь осознав, что дети тебе не нужны? И моя дисфункция матки может отпасть?

– Прекращай.

– Нет, я искренне не понимаю, почему люди топчутся по нам, а затем пеняют, что мы такие чувствительные.

Тим вскочил с постели вслед за Мирой и, поймав, крепко обнял. Она затихла.

– А мой груз лучше, что ли? – глубоко дыша, отреагировала Мира через минуту. – Ты полагаешь, все так радужно, как кажется в первом слое? Да, родители любили меня. И на этом все. Тяжело смотреть, как они пожираются провинциальной Русью. И сделать ничего не можешь, потому что они про себя крутят пальцем у виска в ответ на твои изобличения. А шаблоны поведения родителей так въедливы, что настигают спустя годы, когда ты от них вроде уже сбежала.

– Ты просто слишком глубоко вгрызаешься, везде видишь какие-то царапины, шероховатости...

– Не могу спокойно смотреть на несовершенства созданного человеком мира. Мне всюду тесно.

Мира вгрызлась пальцами в виски.

– Одно из моих первых детских воспоминаний – как мать, надрывно плача, сидела на полу в нашем огромном зале и собирала разлетевшиеся по всей комнате нитки вперемешку с пуговицами. А над ней стоял отец. Без жалости, без раскаяния. Затем со второго этажа спустился мой дед. Уважаемый ветеран войны. Вместо того, чтобы защитить дочь, он тоже накричал на нее. Я не поняла или не запомнила, за что. Быть может, она провинилась чем-то. Женщина провинилась перед мужчинами, которые даже между собой не ладили. Это ощущение, что тебя никто по-настоящему не защитит, осталось во мне с того самого дня. А мамина покладистость в итоге сменилась изворотливостью. И еще большей расхолаженностью. Потому что отец привычно решает все вопросы, которые не связаны с медициной. А потом общество прыщит слюной, что возникают женщины, отрицающие замужество и боящиеся заводить детей. Родишь дочь – и с ней произойдет то же. С мечтательной девочкой, выращиваемой в заботе.

Тим молчал, и Мира была благодарна за это.

Он с какой-то жалостью смотрел на Миру. Ему была неведома пропасть одиночества, которую она испытывала, вскрывая под сенью этого дома свои гноящиеся нарывы. Потерянная девочка, рассуждающая на непосильные темы. Де-

вочка с этим будто не понимающим, где она, выражением в светлых глазах при общих повадках заласканной молодой кошечки. Где бы она ни была, в Скандинавии ли, под пальмами... Он видел это на ее фотографиях с самого детства. Душа, мечтающая унести подальше, а за неимением возможности извлекающая сомнительные блага из того, что дают.

– По отдельности люди вроде бы и понимают, что вершат что-то не то, а вместе все равно продолжают. По прошествии лет родители пытались доказать мне, что это был мой сон. Быть может, поняли, что для психического здоровья ребенка такие сцены не слишком полезны. Насколько мать была тогда нежна, прекрасна, чувствительна. И как огрубела теперь, прыщет цинизмом и пессимизмом. И как смирилась. Ее даже устраивает ужас провинции, зарубивший ее судьбу. Будь мой стержень послабее, я уже бы сломалась тоже. Но пример бабушки и деда, переживших войну, оказался более жизнеутверждающим. Вот парадокс – внешне же у меня все прекрасно. Отличная профессия, улыбчивость, устроенная жизнь в большом городе... Жизнь раздвоилась, а тот значимый ее кусок уже почти отмер. И я не хочу приезжать в гости к родителям. Каждый раз все мучительнее – бессилие перед деградацией. Я уже не могу вытащить мать из этого болота. Мне уже даже тяжело разговаривать с ней, настолько я не могу поверить в то, что с ней стало. А, может, и всегда было, просто я этого не замечала... Насколько я хочу встрях-

нуть ее, чтобы она красиво оделась и поехала в какой-нибудь Таиланд, как это делают северо – столичные фифы. Но нет, она оправдывается пресловутым отсутствием денег, которые никогда и не пыталась заработать. Одни сплошные оправдания всю гребанную жизнь. Одни слова, чтобы обрасти мхом и забиться в угол. Но жизнь такого не прощает. А отец? Он теперь заботится о ней. После тех издевательств. А она не платит ему благодарностью, хоть и не пошевелила пальцем, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. Она предпочла занять позицию вжавшегося в угол комментатора, отвечающего шишки своему недавнему мучителю. Кто виноват? И что делать?

– Я не знаю. Сам ломаю голову над подобным.

– Интересно, может ли психотерапия действительно исправить это, а не сгладить?

– Сомневаюсь.

В детстве Миру наряду с ужасом потерять бабушку и дедушку преследовал отчетливый страх распада семьи. Он обернулся подростковым прозрением, что родители должны освободиться друг от друга и сделать новую попытку. Теперь же стало ясно, что они навек повязаны и несут крест друг друга. Чувство вины перед матерью и страх поражения перед отцом крепко отпечатались на задворках сознания Миры. А еще твердая уверенность, что нет границ дозволенного, что все необъяснимо и двояко.

– Обычно это называют созависимостью. Она... сама ча-

сто провоцирует его. Не знаю, так ли это было раньше, воспоминания ведь замещаются более поздними... Гребаная раящая игра, понятная только им. Обо мне они особо не думали, развлекаясь таким образом.

– Так и есть. Жертва становится палачом.

– А палач – терпением. Не бывает лишенных двойного дна отношений.

– Даже если люди признают свои пороки... отнюдь не спешат их исправлять. Избавившись от девиаций, чем будет занято человечество? Зачем будет нужно искусство? Да и им по кайфу, признай это.

– Я давно подсознательно знаю это.

Вожделенное соединение с Тимом было бессильным, финальным криком о слиянии семьи, которая никогда не была целой. Жажда замкнуться в семье и построить бастион от прочих. Мира искала похожего на отца, а их не оказалось. И похожим показался его сын.

– А наша связь – девиация и порок? Мы ведь не конечные...

– Так порок – не обязательно что-то грязное и гипертрофированное. Он почти в каждом проявлении. И лишь называется страшным словом, чтобы грозить населению пальчиком.

– Однажды людям надоест быть несчастными. И они откажутся от консерватизма.

– Твои заверения – хорошо усвоенная мода.

Мира почувствовала знакомое раздражение от подозрения, что Тим специально начинает противоречить ей, чтобы позабавиться ее встряской.

– А твои тогда – хорошо усвоенная старомодность.

– И кто вырастет во вседозволенности?

– Счастливые люди. Хотя, послушав консерваторов, понимаешь, что индивидуальное счастье людей их не интересует. Важно лишь пресловутое общее благо, словно мы до сих пор обитаем в пещерах. А общее благо оборачивается только эксплуатацией и манипулированием.

– Может, мы все еще и есть те кроманьонцы в пещерах. И без запретов нам не выжить.

– А мне что, страдать теперь ради всеобщего блага? Ради туманных перспектив. Видя, как мою страну продолжают дербанить и заверяют меня в патриотизме, служении благу и необходимости плодиться на декретные в семь тысяч рублей?

– Ты эгоистка, – охотно отозвался Тим, и Мира захотела врезать ему даже несмотря на то, что знала близость его взглядов к своим. Каждый раз она охотно верила в его темные стороны.

– Порой встречаешь людей во всех отношениях положительных, семейных, без пяти минут кандидатов наук, которые удивляются, что ты слушаешь металл... и ты понимаешь, что и это до сих пор какой-то вызов, хотя собственная жизнь кажется предельно плоской. А у тебя даже не буйство

Бриков, не помешанность революционеров.

– Может, у консерваторов рефлексии меньше. Вот они и не выбрасываются в окна.

– Человечество всю свою историю вводит ограничения, отравляющие жизнь, якобы для всеобщего блага. И вся же история человечества – путь обхождения запретов. А дураками в итоге выставляют себя как раз блюстители недозволенности. Нет ничего страшнее, чем барьеры разума и восприятия.

– Но и ограниченность ввели не просто так. А как сдерживающий фактор для тех, кто не способен полюбовно угомониться.

– И все же ты первый пользуешься достижениями тех, кто на запреты плевал. Того же Тьюринга.

...и вот она закрывает дверь. Сверху слышен их смех и странное копошение. Но там должен быть он. Это его дом. Его ускользнувшая Варя и Мира, которая открыто смеется над ним и приводит сюда другого мужчину... Он, а не кто-то еще, должен заботиться об обеих, пусть даже между ними образовались какие-то пласты, ему уже неподвластные. Шлюха!

«За кого она меня принимает? – бешено проносилось у Арсения в голове, пока он поскрипывал лакированными половицами. – За слабака?!» Агрессивные выпады отца разом воскресли в памяти. Матери быстро наскучила эта напыщенная бравада, и отец оказался брошен, опозоренный и захлебывающийся собственным ядом.

Его охватила неопишуемая зависть к Тиму, так легко победившему Миру, которая, конечно, только и ждала, чтобы ее схватили за запястья. Мира его никогда не жалела... Она то ли из дальновидности, то ли из заикленности на себе не обращала внимания на то, что безошибочно сканировала в нем Варя. Последняя малодушно пыталась одновременно делать вид, что ничего не происходит и исподтишка жалеть его. И именно сейчас удержать Миру, с которой он словно становился нормальным мужчиной, показалось необходимым.

Потребность быть выслушанным, ободренным и пошали-

вающая склонность быть наблюдаемым заставили Арсения приоткрыть запретную дверь в недозволенный роман незваных гостей. Но их редкостная гармония в танце плотского болезненно засыпала ему глаза. И он затворил дверь снова.

Так он и простоял за чуть раззявленной дверью и слышал все до последнего стога. Эта мерзавка сначала украла у него Варю вместе с нерожденными детьми, зачать которых ему так и не удалось, а теперь уплыла сама. Нечестно, что одни легко выходят из невзгод и дрязг... А другие вынуждены сидеть на чердаке и исподлобья смотреть на них. Пусть сдохнет. Она никогда не прислушивалась к нему.

Войдя в комнату через час, когда они стихли и, вероятно, задремали, Арсений долго стоял над обоими. Стоял и выбирал, кого зарезать. Ему же ничего за это не будет, это ведь все чертова игра, репетиция существования... Не может быть, чтобы за пределами распласталось ничто. Так просто не бывает. Это какая-то кривая демоверсия... Ничего недостаточно... тесно. В человеконенавистничестве христианства, в ограниченности ислама и даже в неявной жизнерадостности буддизма недостаточно ответов, как бы не извращались их представители, пытаясь осовремениться.

Хотелось реванша. Но Арсений не мог отомстить тому, кто действительно этого заслуживал. Так почему не отомстить более доступному, слабому, любимому ей? Пусть поймет, какого ему одному коротать вечера.

Его оскорбил вид обнаженного, в неге распластанного по

постели Тима, от которого едва не приподнимался пар геля для душа. Арсений никогда не был так хорош. Чужак и Варю бы опутал, не сбеги она. Наверное, такой и был ее первый муж, и она до сих пор грезила о нем... Как может быть иначе? Пусть Мира останется с ним навсегда, как и хотела. Здесь, в этих тающих листьях, в их просвечивающейся желтизне.

Валяясь на той вьевшейся в постижение постели под крышей, одурманенная оргазмом, Мира с язвительностью припомнила, как познакомилась с Варей. Что-то ширилось и невыносимо тепло сжималось внутри.

В тот день, первый день побега от родителей в аэропорт, они долго сидели в баре, дурачась и ведя себя развязно. Там оказалась Варя, которая, должно быть, когда-то нравилась Тиму и была знакома с ним по линиям смежных областей деятельности. Заинтригованные приятным совпадением, вечер они продолжили втроем.

– В таких отношениях же часто кто-то кому-то отказал, – заметила Мира, очарованная всплеском социальной жизни, когда Варя отлучилась в уборную.

Тим замялся.

– Она тебе? – спросила Мира не без укола, вмещающего шаткость собственной неполноценности и нежелание даже думать, что он может симпатизировать кому-то еще.

После пары пинт пива и нескольких часов в кальянных испарениях Мира не против была присоединения к ним хорошенькой новой знакомой. Она не знала, как отнесутся к этому остальные, предпочтя легкие манипуляции и чтение по лицам. Варя бы скручивала ей руки и щекотала волосами по подбородку, пока Тим снимал бы футболку. Без страха

реализации это было захватывающе. Прекрасная незнакомка смотрела бы на них сквозь пряди, падающие на глаза. Взволнованно, не отрываясь. Сидя на полу, пока они танцевали древний экстаз с запястьями в деревянных символах.

Знал бы Арсений, которому Варя так и не рассказала, как долго она мечтала заставить его слиться с другой женщиной на своих глазах. Чтобы чувствовать контроль, одетой смотря на них из кресла и отдавая распоряжения. Но он и с самой Варей-то сладить не мог, не то что со второй женщиной, отчего и покупал чужие тела, нарушая чистоплотность.

Кретин! Она и познакомила их только затем, чтобы не потерять Варю. Мира видела, что та не готова переступить определенную грань социальных устоев, да и про себя могла сказать то же. Сама Мира же осталась бы для неспешного попивания разбивающегося кислыми ягодами вина. А инцидент с рекой заставил ее думать, что Арсений – подходящая для обеих кандидатура... Заботливый, чтоб его. Арсений, с которым роман было заводить болезненно и страшно, такой он тогда был... выше секса, нечто среднее между дядюшкой и молчаливым другом, изначально обрубившим всяческие поползновения в сторону фривольности. Выше нагавившего Тима. Мира мечтала иметь всех их у себя под боком, спянных, выточенных под нее, ей благодарных, повязанных чем-то волнующим. А они разбегались, как тараканы. И Варя, и Арсений размышляли идентично ей в трусливом увертывании от непосредственных обязательств. А физическая сто-

рона отношений вообще легла на них непреодолимым бременем.

Сквозь туман и молчание пережитого всплывал последний с Варей разговор, завершивший формирование мозаики ее образа.

– Я всегда знала, что я приемная, – начала Варя, и Мира почувяла, что главный ужас ее истории не в этом.

– Моя мать... моя истинная мать, которая воспитала меня, никогда не скрывала это. Одинокая женщина, из крайнего эгоцентризма она решила завести ребенка одна, без помощи мужчин. А, может, бесплодие по их милости ожесточило ее. Она была строга, неизменно указывала мне на все мои промахи и неудачи. Подчас она так сильно опекала меня, что переходила в тиранию. Оттого я, может, так рано и решила создать собственную семью. Тем не менее сейчас я понимаю, как тяжело ей было. Ведь у приемных матерей нет взрыва гормонов, помогающих любить собственных детей... А без этого детей любить невозможно. Биологических матерей можно заподозрить в нежелании, случайности, сомнениях по поводу рождения. Но с приемными матерями все просто. Они более честные и великодушные. Для меня это подвиг. Когда она умерла, у меня не осталось корней. Я родила сама, и послеродовой кошмар, в который я погрузилась, сподвиг меня искать биологических родственников, чтобы разобраться.

Варя запнулась, с трудом что-то обдумывая. Мира жалостливо смотрела на нее.

– Моя настоящая мать... Не была наркоманкой, проституткой. Это вполне состоявшаяся женщина с вышкой и другими детьми. Ими она, наверное, пыталась заштопать трагедию моего рождения. В результате изнасилования.

Мира сжала глаза. Она боялась смотреть на Варю, словно чудовищный поступок какого-то безымянного человека без лица и души двадцать шесть лет назад и на них отбросил свой гниющий отпечаток.

А Варя почему-то хотела продолжать. Наверное, она слишком долго молчала и боялась, что, не воспользуясь сейчас этим порывом, снова на годы окунется в безмолвие. С отчаянием человека, у которого вновь рушится шаткая конструкция тяжело выстроенной реальности, она кинулась рассказывать все Мире.

– Как можно любить себя, обрести покой? Я же знаю, чего стоила своей матери. Она не хотела моего появления, но я вообще не смею осуждать ее. Потому что люди не должны сталкиваться с таким выбором, это выше человеческих сил. Что ни выберешь в ее положении – заведомо проиграешь. Жизнь уже перечеркнута. Ты можешь ползать по земле, кривляться, что-то творить... Но это будет с тобой, как дыхание, неизменно на подкорке мозга. Я родилась с таким грузом и такой грязью, что лучше бы не рождалась вовсе. И протащила этот след дальше, на сына.

– Не надо так говорить, – решила Миря разомкнуть уста, залитые солоноватой жидкостью.

– Что ты будешь доказывать? Про искупление, про то, что бог всех любит? Я прошла эти стадии. Они не сработали. Я понимаю, почему христианство учит такому – чтобы люди не сошли с ума от бессилия и отчаяния. Но я не могу поверить, что это какое – то испытание. Слишком жестоко для существа, которое нас якобы любит и направляет. Некоторые говорят о кресте и каре. И вот они вообще не люди. Я расцарапаю лицо любому, который решится сказать мне это в глаза. Люди всячески стараются объяснить подобные вещи, скинуть вину на пострадавших... Чтобы отогнать от себя страх, что мы ничего не понимаем о вселенной. В любой момент с нами может произойти что угодно. И происходит ежечасно без всякой судьбы и предназначения, без кары за прошлые грехи. Это просто сбой в системе, нелепая случайность. Потому что допустить, что какой-то высший разум намеренно делает это с кем угодно – невыносимо, отвратительно. Просто люди полны ненависти к себе подобным. Они вообще не понимают, чем должна быть эта жизнь. Мы пытаемся обелить гипотетический разум, отговариваясь, что люди сами виноваты в зле... Но по их же суждениям всемогущий бог почему-то управляет нами и наказывает, когда ему заблагорассудится. И в то же время охотно дает совершиться преступлениям похуже. Похоже на средневекового правителя. Жить в мире, где зло случайно, еще как-то можно. Но

жить в мире, где главный защитник и человеколюб допускает подобное, невыносимо. При мыслях об этом невозможно сохранить разум.

Мира не решилась вступать в дискуссию.

– Есть вещи, которые человеческое сознание не в силах переработать. Мне говорили, терапия поможет поставить все на места. Но совершенные факты же не замажешь, не вычеркнешь. Можешь только смотреть на них под иным углом. А если болезнь растет прямо из тебя, хладнокровно исследовать ее со стороны куда сложнее. Скажи, почему я бросила своего сына? Потому что мать бросила меня, с отвращением вспоминая, как над ней надругались и выкинули. А я теперь не могу смотреть на мужчин прежними глазами восхищения и ожидания поддержки. Мой мир рухнул. Так же как и мир моего сына, который всю жизнь будет маяться от вопроса, почему мать от него отреклась.

Мира вспыхнула идеей.

– Так и иди к нему. Прямо сейчас. Он же не виноват.

Варя горестно усмехнулась.

– Я не могу. При виде детей я думаю о женщинах, которые не хотели их появления. Жизнь которых разорвалась.

– Ты больна, Варя.

– Знаю.

– Пока не поздно. У тебя есть шанс залатать рубец, который начал твой биологический донор. Или продолжить цикл несчастья для всех вас.

– Я знаю все это. Но себя не заставишь.

– Тогда ты просто слаба.

В лице Вари что-то изменилось.

– У твоей матери новые дети, она залатала ими рану твоего рождения и отречения от тебя, – с запальчивым мессианством тараторила Мира. Еще никогда ей не казалось, что она так убедительна. – Твоя приемная мать залатала тобой раны аборт. Ты же можешь исцелиться собственным сыном. Миллионам матерей тяжело, Варя. Но они остаются с детьми, потому что есть что-то важнее трудностей и усталости. Есть высший круговорот любви. Чем больше любви даешь, тем больше отзеркаливается.

– А если нет любви? И давать ее не хочется?

– Так не должно быть.

– Твои рассуждения похожи на рекомендации взбодрить-ся, когда человеку хочется в петлю.

– Уйдя, ты поступила не лучше, чем твой настоящий отец.

– Я знаю!!!

Варя вскочила и принялась метаться по комнате, выкрикивая стоны. Мира удивленно вспомнила, как считала ее категоричной просто потому, что та пыталась объяснить себе окружающее, систематизировать и прибрать его. Мира слишком часто обвиняла окружающих в том, что делала сама.

– Я знала, что в сторону нельзя уваливать! Я столько над собой работала!!! – надрывалась Варя. – Зачем я только тебе рассказала?!. Я по полкам все раскладывала, чтобы с катушек больше не слететь!!! А ты зачем это открыла все?!

– Может, ты не с той стороны работала, – иссохшими губами пробормотала Мира.

Собрав все свое мужество, Мира с трясущимися внутренностями добавила:

– Сейчас ты можешь либо продолжить демонический круг из несчастливых людей, вырастающих в несчастливых семьях, либо разорвать его и вырастить счастливого человека, которого любят. Может, в этом твое предназначение, хотя тебе кажется, что ты можешь только страдать и вопрошать, за что тебе все это. Но мы... мы лепим мир под себя.

Варя неожиданно притихла.

– Ты же сама говорила, что не веришь в искупление.

– Я говорила чушь от бессилия. Да и подумай – ты еще не совершила ничего непоправимого, жизнь не кончена, есть время. А представь, что все уже закончилось. Легче тебе станет?

Варя молчала. Но плечи ее приподнялись.

– Нет.

– Вот видишь – станет только хуже. Я понимаю, что ты ушла не от слабости. Но гораздо большей силой будет исправить все. Так легче будет в первую очередь тебе самой. Как бы я ни любила говорить, что мы все сами в ответе за себя, но ребенок в эту категорию не входит. Если это не смысл, то что тогда, Варя? Необходимость милосердия... Мы так отходим от этого, озабоченные собственным выживанием... Но зачем еще нужна жизнь тогда? Зарабатывать и тратить? Большинство из нас подсознательно понимает тупик этого.

Варя, остановив всклокоченные пряди прижатыми к шее ладонями, в каком-то гипнозе смотрела на Миру. Мира непреклонно следила за ней.

– Есть ситуации, – продолжила Мира, – когда выбор труден и кажется, что есть альтернатива. Но на самом деле альтернатива – это крах всего. После которого ты перестанешь уважать себя.

– А Арсений?

Мира заранее простила Варю то, что не смог бы простить третий угол их союза.

– Я скажу ему столько, сколько ты позволишь.

Мира вышла на балкон. В комнате Варя что-то сбивчиво тараторила по телефону. Она запинаясь, вероятно, переживая от Арсения. Что теперь? Придется ехать к нему, объясняться... Договаривать то, что не договорено. Она обязана ему и не может отступить, хоть этого и хочется больше всего. Она сама себя поставила в безвыходность – выбора нет, хоть и кажется, что он есть. Сделка с совестью в ее ситуации несет лишь один исход. Защищать Миру никто не собирался, да ей и не нужно это. Приходилось переступить через себя и соприкоснуться с внешним миром. Стараясь быть милее и не резать людей за каждый их промах.